

平凡的世界

ОБЫКНОВЕННЫЙ
МИР

ЛУ ЯО

路遥

Лу Яо

Обыкновенный мир

Международная издательская компания «Шанс»

УДК 82-31(510)

ББК 84(5Кит)

Яо Л.

Обыкновенный мир / Л. Яо — Международная издательская компания «Шанс»,

ISBN 978-5-907646-06-3

Эта история начинается в 1975 году в деревушке Двуречье, где живет большое семейство Сунь; жизнь эту, правда, сложно назвать счастливой – члены семьи едва сводят концы с концами и переживают одну неудачу за другой. Шаопин, младший сын в семье, жаждет другой судьбы: его притягивает жизнь, мерцающая издали размытыми огнями городских фонарей, и он готов упорно и самоотверженно трудиться, чтобы добиться исполнения своей мечты. На этом тернистом пути Сунь Шаопин познаёт возвышенное пылкое счастье первой любви и горькое бессилие первой утраты, переживает взлеты и падения, радости и печали, но никогда, куда бы ни забросила его жизнь, не теряет главного – твердости духа, доброты, самоотверженности и духовной связи с семьей и родными местами. Для широкого круга читателей.

УДК 82-31(510)

ББК 84(5Кит)

ISBN 978-5-907646-06-3

© Яо Л.

© Международная издательская
компания «Шанс»

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	42
Глава 9	45
Глава 10	49
Глава 11	53
Глава 12	57
Глава 13	62
Глава 14	67
Глава 15	71
Глава 16	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Лу Яо

Обыкновенный мир

© ООО «Международная издательская компания «Шанс», перевод, оформление, 2023

© ООО «Издательская группа «Пекин», 2023

Исключительные права на издание и распространение перевода данного произведения на русский язык предоставлены «Международной издательской компании «Шанс» лицензией ООО «Издательская группа «Пекин». Все права защищены. Не допускается копирование и распространение текста без письменного разрешения правообладателей.

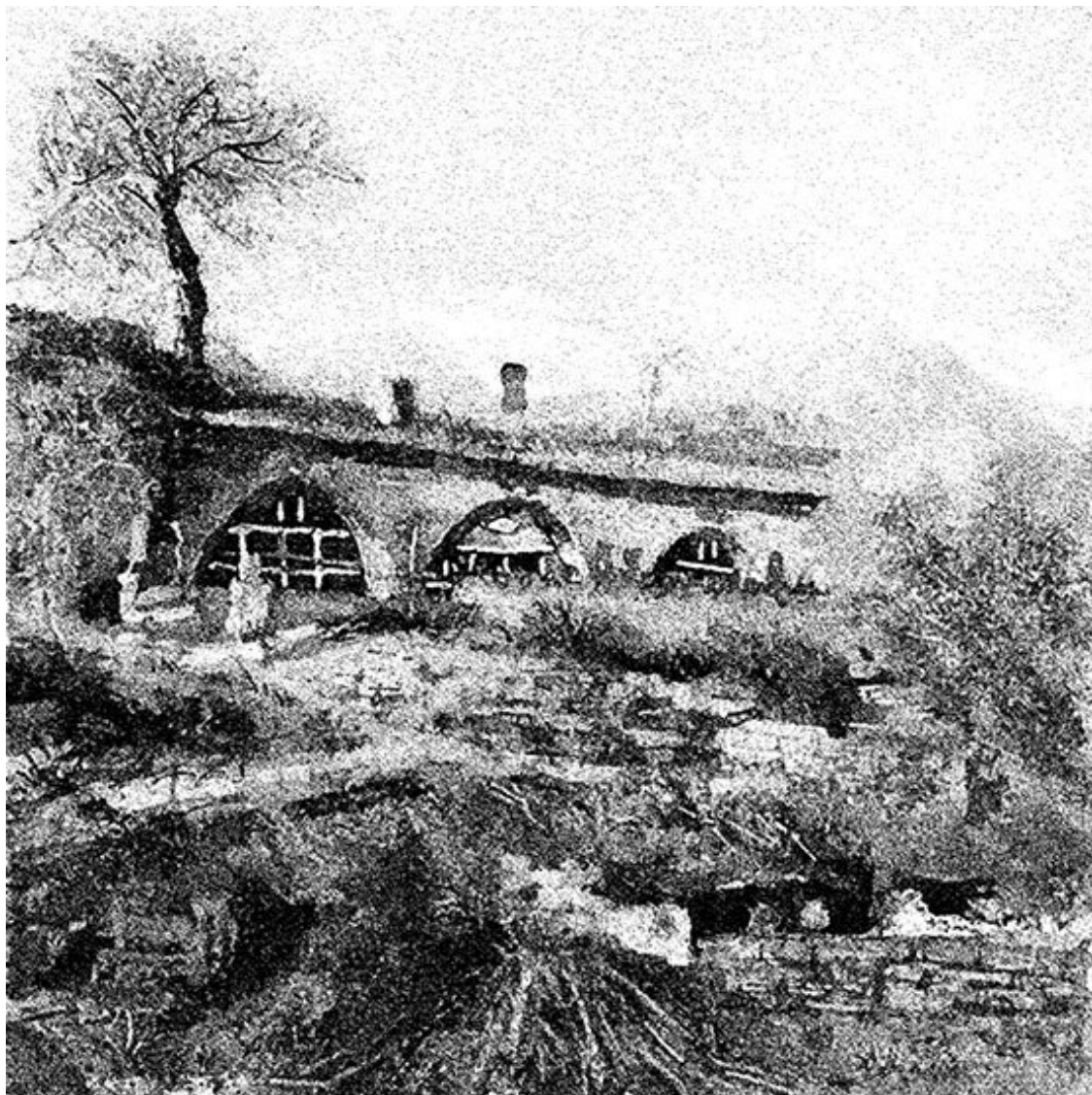
* * *

«Обыкновенный мир» был впервые опубликован в декабре 1986 года и, сразу получив признание современников, глубоко повлиял на китайское общество. В своем романе Лу Яо описал тяжелые условия жизни «маленьких людей», чьи чуткие сердца и стойкость духа помогают преодолевать все тяготы и невзгоды, свалившиеся им на плечи. Труд и любовь, разочарование и стремление, боль и радость, повседневная жизнь и социальные конфликты переплетаются, образуя трудный, извилистый путь.

Роман получил множество наград, в том числе наиболее престижную литературную премию имени Мао Дуня в 1991 году. В апреле 2020 года «Обыкновенный мир» вошел в учебную программу для учащихся средних классов во всем Китае, а в мае 2020 года был рекомендован к прочтению Китайской академией искусств. Роман «Обыкновенный мир», вдохновивший миллионы молодых людей на неустанное самосовершенствование, по праву считается классикой китайской литературы XX века.

Впервые издается на русском языке в переводе Ю. А. Дрейзис.

Часть 1

Глава 1

В один ничем не примечательный день – где-то между февралем и мартом семьдесят пятого – тонюсенькие нити мороси, перемежаясь редкими снежинками, сырой канителью скользили вниз и ложились на землю. Время шло к пробуждению насекомых¹, снегу оставалось недолго. Не успев коснуться поверхности, он исчезал бесследно. Долгая, лютая зима – из тех, что стоят на желтоземье, вот-вот должна была закончиться, но по-настоящему теплая весна маячила еще далеко.

В такие промозглые дни никому не охота без особой нужды выбираться из дома. Привычный многоголосый гомон схлынул с улиц уездного городка. Уцелевшие в закоулках последние зимние сосульки и остатки наледи таяли под натиском дождевых капель. По плитам мостовой всюду бежали грязные ручейки. Ветер был еще холодным. То и дело в пустынных проулках

---

¹ Речь идет о двадцати четырех традиционных сельскохозяйственных сезонах, которые длятся примерно по две недели каждый. Сезон *цзинчжэ* начинается 5–6 марта. – *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

показывался силуэт сельского обитателя, который, натянув на лоб драную войлочную шапку, с корзинкой картошки или редьки наперевес лениво зазывал покупателей. В такое время город был совершенно лишен жизни, не за что было зацепиться глазу.

Только на середине холма, на ровном пяточке перед уездной старшей школой, было заметно какое-то оживление. Едва отзвенел звонок на обед, как из пещер, усеивавших склон на разной высоте, выпорхнул разномастный рой школьников. От стука их мисок и палочек подрагивал воздух. Галдя и капая по дороге жирной грязью, они устремились на площадку перед школой и облепили ее южную сторону у стен хозчасти. Огромный двор, истоптанный множеством грязных ног, в одночасье стал похож на илистый берег. Одновременно из восточных ворот школы стали вылетать стайки местных ребятшек. Они болтали и смеялись из-под зонтиков. Вдоль по длинной дороге, мощенной еще в прежние годы каменными плитами, ученики зашагали вниз по склону и вскоре один за другим растворились в переулках.

На южной стороне двора уже выстроилось несколько шеренг. Стояли по классам. Дежурные суетливо раздавали еду. Каждый получал то, на что предъявил в предыдущий день карточки, а потому процедура была очень простая: всего-то нужно было свериться с таблицей и передать из рук в руки заранее заказанный обед. Категории «А», «Б», «В». Категория «А» состояла главным образом из картошки, капусты и лапши, но между ними попадались и лакомые, толстые ломти мяса. Стоило это удовольствие три мао² за порцию. Категория «Б» в общем и целом была точно такая же, только без мяса. Стоила она ровно в два раза дешевле. А вот категория «В» была им не чета: в миске пустого кипятка плавала вареная редька, а поверх нее, словно чтобы разнообразить это унылое зрелище, скользило несколько символических пятен ярко-алого перечного масла. Правда, и цена была соответствующая – всего пять фэней³ за плошку.

На каждый класс приходилось совсем немного первой категории. Тех, кто мог позволить себе мясо, было, прямо скажем, немного. Категория «Б» тоже вся умещалась в небольшую супницу – и везунчиков, уплетавших такую еду, можно было пересчитать по пальцам. Только под самую последнюю выдавали здоровенную эмалированную посудину, налитую до краев. Большая часть школьников питалась этой далеко не роскошной, но и не совсем убогой снедью. К похлебке можно было взять один из трех видов хлеба: пшеничный, кукурузный или гаоляновый⁴. Белый, желтый, черный – цвет хлеба был знаком различия. Школьники в шутку называли их «Европа», «Азия» и «Африка».

Было видно, что большинство стоявших в бесконечной очереди, – деревенские. Их тела и лица хранили следы упорного физического труда. Кроме нескольких ребят, чья одежда была такой же невзрачной, как у их крестьян-родителей, остальные выглядели вполне прилично.

Крестьяне с гор, какими бы бедными они ни чувствовали себя, как бы трудно ни приходилось с едой и одеждой, готовы были, сжав зубы, терпеть любую нужду – лишь бы справиться для детей, выходящих в большой мир, пару – тройку нарядов, в которых было бы не стыдно смотреть в глаза людям. Конечно, в толпе попадались и отпрыски тех, кто позажиточнее. Они выглядели точь-в-точь как дети аппаратчиков из города. На их запястьях зачастую посверкивали блестящие часы. Эти «залетные птицы» выделялись на общем фоне, ничуть не скрывая чувства собственного превосходства. Они стояли в очереди за мало кому доступной категорией «А». Их были единицы, но компания эта первым делом бросалась в глаза.

Среди бесплодной глухомани желтых земель уездная старшая школа казалась настоящим храмом науки. Однако никакой возможности выстроить для школьников столовую у этого

---

² Мао (цзяо) – одна десятая часть китайского юаня.

³ Фэнь – одна сотая юаня, аналог копейки.

⁴ Китайское название сорго – рода однолетних и многолетних травянистых растений семейства злаковых; выращивается как хлебное, техническое и кормовое растение.

храма не было – в любую погоду все обедали под открытым небом. Правда, и ребята были к такому делу привычные: кому из выросших на уступах не приходилось есть в поле или на диком склоне? Поэтому никто особо не переживал. В ясные дни школьники, присев на корточки и сбившись в кучки, приканчивали свою похлебку под веселый гомон и смех.

Но сегодня было не до того. Прикрывая миску плетеной шляпой или локтем, они спешили вперевалку пробраться через расплывшуюся по площадке трясину и поскорее сбежать под защиту крепких стен общежития. Прошло совсем немного времени, и перед школой стало пустынно. Большая часть дежурных тоже оставили свой пост.

Только старшая по десятым классам задержалась на обезлюдевшей площадке. Это была низенькая толстая девочка. В трех посудинах перед ней уже не осталось еды, а в корзинке для хлеба чернели четыре последние гаоляновые пампушки. Пампушки были вовсе не ее: руки дежурной крепко сжимали белую булку и кукурузный хлебец. В ее миске плескались остатки категории «Б». Прислонив к себе миску с объедками, она с недовольным видом стояла под крышей в ожидании, когда со своей порцией расправится последний отстающий. Парень был из откровенно бедных. Он уплетал самый бросовый хлеб, потому что не мог позволить себе даже вареной редьки.

Внезапно снег повалил сильнее, все покрылось легкой мутной дымкой. Город был погружен в совершенное безмолвие. Временами откуда-то доносился далекий крик петуха, отчего расплывшийся в тумане мир казался призрачным, как сон.

В этот миг на северной стороне опустевшей площадки показался высокий худой юноша. Зажав под мышкой тарелку и втянув шею, он вразвалочку шел по двору. Лицо у парня было желтоватое, тощее, со слегка запавшими щеками. На лице выделялся прямой греческий нос. Его облик только-только лишился нежной детскости, но от постоянного недоедания так и не засиял особенным, бодрым блеском юности.

Выбрасывая вперед длинные тонкие ноги, он хлопал по грязи, и, верно, был хозяином последних чернеющих кусков. Судя по жалкому виду, большего этот ученик позволить себе не мог. Его костюм с натяжкой можно было назвать школьной формой: скроен он был явно из грубого домотканого полотна, к тому же прокрашен неровно, отчего казался грязным. Желтые кеды на ногах давно лишились своих родных шнурков и подвязывались теперь какими-то случайными кусками белой веревки. На боку у одного из них красовалась синяя заплатка. Брюки были шиты года два назад и с тех пор сильно сели, на вытянувшихся ногах они едва доставали до середины икры. Правда, носки были длинные и не давали проглядывать голой коже. Никто, кроме самого их хозяина, не знал, что пятки у этих нитяных носков давно истерлись, и только прикрытые обувью, они производили безупречное впечатление.

Старшеклассник шагал, прорезая площадку по прямой, и теперь уже было очевидно, что шел он именно за остатками хлеба. Не успел парень поравняться с корзинкой, как дежурная, прижимая к себе миску, развернулась и ушла, не дождавшись его.

Он подошел к корзинке и замер. Потом нагнулся и выудил из нее две пампушки. Внутри оставалось еще две. Бог знает, почему он решил оставить их там.

Когда он распрямился, взгляд его мазнул по трем пустым посудинам. На дне категории «Б» оставалось еще немного жидкости. Со стрех падали в бульон крупные капли, и оттуда брызгало наружу остатками еды. Он наклонил голову и оглядел затуманившийся двор: кругом не было ни души. Тогда он быстро присел на корточки и суетливо, как воришка, принялся вычерпывать половником похлебку пополам с дождевой водой. Жестяной половник скреб по дну с пугающим скрежетом. Кровь прихлынула к худому лицу юноши. Большая капля сорвалась с крыши и обрызгала его всего супом. Парень прикрыл глаза, и стало видно, как по щекам медленно катятся слезы. Будем считать, что виной тому была попавшая ему в глаза перчинка.

Он тут же вскочил на ноги, отер лицо и, сжимая свои полмиски супа, резко зашагал за угол, к кипятильне. Там, у задней стены, он долил из крана кипятка и наломал в миску гаолянового хлеба. Опустившись на корточки, школьник принялся жадно глотать похлебку.

Вдруг что-то заставило его остановиться. К корзине с хлебом подошла девушка, цапнула оттуда две оставшиеся пампушки и кинулась прочь. Он долго смотрел вслед ее удаляющейся растрепанной фигурке.

Это стало привычным делом. С самых первых дней учебы они оба приходили есть последними – просто молча забирали свою пайку черствого хлеба. Так выходило безо всякого умысла. На самом деле они даже не были знакомы. Никогда не перекидывались ни словом. И он, и она окончили среднюю школу – каждый в своей коммуне, а потом по рекомендации учителей оказались в уездном центре. Учеба началась не так давно, и народ в классе еще не успел пере-знакомиться.

Он по-прежнему сидел на корточках под крышей, усердно жевал и думал: наверняка она приходит последней по той же причине, что и он сам. Да, точно. Просто денег не хватает на нормальную еду. Болезненное юношеское самолюбие – вот что заставляло их забирать свои невзрачные харчи украдкой от любопытных взглядов, чтобы избежать безмолвных насмешек.

Но он не знал о ней ничего. Только помнил, что на переключке она отзывалась на имя Хунмэй, а фамилия ее была Хао. Она наверняка тоже знала только то, что звали его Сунь Шаопин.

Глава 2

Учиться Сунь Шаопину было и впрямь непросто. Такому парню, как он, ничего не стоило бы уминать за завтраком, обедом и ужином по здоровой кастрюле, а приходилось выживать на паре гаоляновых булок. Помнится, раньше отец рассказывал ему, что при старом режиме даже скотину никогда не кормили гаоляном. Это был самый бросовый корм, но именно его сейчас страшно не хватало юноше. Со своим аппетитом он вполне мог бы за один раз съесть не два, а целых пять черненьких ломтей пресного парового хлеба. Удивительно, как на таких харчах Шаопин еще не умер с голода.

Все бы ничего, если бы можно было отсидеться в классе. Но в те годы школа «вела образование при открытых дверях»: ученики вечно были заняты работой – то перенимали хитрости сельского труда, то учились на производстве. По полдня они мотались из одного места в другое. И потом, учебников как таковых тоже не было: все больше какие-то пособия из центра, отпечатанные на ротаторе. На уроках в основном читали газетные передовицы. Да и вообще: что учили-то? Все дни проходили за освоением теории диктатуры пролетариата. Смелости отвечать на уроке хватало только у городских и у некоторых особо отчаянных деревенских. Остальные молчали.

Каждодневный труд был неотвратим, как стихия. По расписанию на него отводилось время с двух часов дня до самого ужина. Эти часы давались Шаопину сложнее всего. Всякий раз, когда он с коромыслом, полным сора, отправлялся от подножия холма на склон за школой, то чувствовал, как перед глазами начинали плясать мушки. Небо вертелось, земля уходила из-под ног. Мыслей в голове не было. Только дрожащие ступни механическими, рваными движениями медленно несли его по дороге.

Это можно было стерпеть. Больнее всего был удар, что наносила по чувству собственного достоинства бедность. Ведь Шаопину было уже семнадцать. В груди его билось чувствительное, боязливое сердце. Он так мечтал стоять перед девочками одетым с ног до головы в первоклассные вещи и, как многие другие, занимать свое место в очереди за категорией «Б» – мечтал покупать себе всякий раз белую или кукурузную булку. Совсем не из-за жадности, нет. Просто чтобы чувствовать, что живешь достойно. Он совершенно не надеялся наслаждаться такими исключительными условиями, как у городских, – только исполнять свои нехитрые желания, как большинство деревенских.

Но это было абсолютно невозможно. Для его домашних дать возможность такому здоровому парню уехать из дома, освободив его от необходимости тянуть на себе общую для всех норму, чтобы поступить в старшую школу, было совсем не просто. Старший брат в свое время даже не стал поступать в среднюю – а все для того, чтобы помочь выучиться Шаопину и их младшенькой. Он просто вернулся в деревню и стал работать в поле. А старшая сестра вообще никогда не держала в руках книги. Шаопин был глубоко благодарен этим дорогим, родным людям. Разве мог он требовать от них большего?

Он знал, что все они зависли над пропастью. Бабушке было почти восемьдесят. Она целыми днями неподвижно лежала на кане⁵. Родители тоже были отнюдь не молоды, им не хватало прежней ловкости и силы. Много зарабатывать не получалось. Когда младшая сестра поступила в среднюю школу, расходы только увеличились. И потом: муж у старшей сестры оказался тот еще лодырь. Она одна тянула на себе двух маленьких детей. Бывало, что и без еды сидели. Выходило так, что семье Шаопина приходилось часто протягивать им спасительную соломинку. Его родители сильно переживали за внуков и то и дело забирали их к себе, чтобы хоть немного откормить.

---

⁵ Кан – печка-лежанка из кирпича или глины, обогреваемая изнутри горячим воздухом.

Один только старший брат мог работать в полную силу, но ему было всего двадцать три. Он тащил на себе все семейное хозяйство. Без него они бы давно разорились. Но все равно при таком количестве народа и двух работающих мужиках они едва сводили концы с концами. Всем, кто работал на земле, было тогда ох как несладко. Из года в год они оказывались без гроша в кармане. Все труженики производственной бригады не вылезали из нищеты – разве могло семейство Сунь стать исключением? Родители Шаопина всегда были людьми простыми, беспомощными. Бедность текла у них по венам. Год от года они становились только беднее. Казалось, что нет и не может быть никакой надежды.

О чем было и толковать при таком раскладе? Другими словами, если в доме вдруг оказывалось что-то съестное или какая приличная тряпка, то доставались они в первую очередь хворой бабушке или маленькой сестре. И потом были еще двое крохотных, хнычущих, вечно голодных племянников.

Шаопин чувствовал себя неполноценным. Самый высокий парень в классе, он все равно казался себе ниже других на целую голову. Бедность делала его болезненно самолюбивым. Он часто чувствовал, что другие насмеются над его убожеством, поэтому испытывал извращенную враждебность по отношению ко всем, у кого в семье было получше с деньгами. Вот и теперь: он не мог совладать с антипатией к их энергичному старосте Гу Янминю. Всякий раз, когда он видел его стоящим на кафедре за переключкой, одетым по последней моде, с отглаженными стрелками, с этим изящно вскинутым запястьем, на котором красовались часы, невыразимая ярость разгоралась в душе. С ней было не справиться. На переключке все бодро отзывались на собственные имена, но Шаопин однажды выкинул штуку: когда дело дошло до него, он ничего не ответил. Староста посмотрел на него большими глазами и снова назвал его имя. Шаопин молчал. Если бы это происходило в начальной школе, то наверняка не обошлось бы без острого конфликта. Но тут, где все были едва знакомы, староста отреагировал на такое унижительное пренебрежение очень сдержанно. Он просто пошел по списку дальше.

Когда переключка закончилась и все начали расходиться, Сунь Шаопин вышел из класса вместе со своим земляком Цзинь Бо. Тот, сияя, украдкой показал ему большой палец:

– Это ты здорово!

– Я думал, без драки не обойдется, – отозвался Шаопин, который уже начинал жалеть о своей выходке.

Цзинь Бо сделал совершенно наигранное выражение лица и погрозил кулаком:

– Посмотрел бы я тогда на него!

Цзинь Бо был его ровесником, но ростом ниже почти на целую голову. Кожа у него была белая-белая, а лицо как у куколки. Но на самом деле он был настоящий крепкий орешек. Юноша брался за все с редкой стремительностью и энергией. Пока его не трогали, он был нежен, как девочка, но в деле обретал тигриные повадки.

Его отец работал водителем в транспортной конторе, и семья у Цзинь Бо была побогаче. Он был из самой верхушки класса, но Шаопин дружил с этим «толстосумом» по-настоящему, не шутя. Они выросли в общих играх, сошлись характерами и вместе учились. Поскольку отец Цзинь Бо, Цзюньхай, часто бывал в отлучке, в семье не хватало мужской руки, и брат Шаопина, а порой и его отец приходили им на выручку. Уже позже их младшие сестры тоже учились вместе: девочки были не разлей вода. Стоит ли говорить о том, что и Цзинь Бо всегда поддерживал Шаопина. Когда они пошли в школу еще у себя в коммуне, им приходилось каждый день отгарабанивать туда и обратно по десять с лишним ли⁶. Чтобы сэкономить, все ели только домашнюю пищу – утром прихватывали с собой обед в судках. Цзинь Бо и Жуньшэн, сын секретаря производственной бригады Тянь Фугана, ездили в школу на велосипедах. Только Шаопин должен был шагать на своих двоих, но приятель всегда брал его на борт. Спустя два года

⁶ Ли – китайская мера длины, равная 0,5 км.

велосипед Жуньшэна был по-прежнему как новенький, а на железного друга Цзинь Бо нельзя было взглянуть без слез. Цзинь Цзюньхаю ничего не оставалось, кроме как купить ему новый. Теперь, когда они оказались в уездном центре за семьдесят ли от дома и без велосипеда, о поездке домой на выходные можно было забыть. Еще Цзинь Бо пару раз пытался сунуть ему свои карточки, но Шаопин упорно отказывался. Карточки тогда были никому не лишние. И потом, парой карточек дело не поправишь – только аппетит растравлять, ну его.

Пусть учиться и было сложновато, но в глубине души Сунь Шаопин горел невыразимой радостью. Наконец-то он вырвался из своего медвежьего угла в большой мир. Для такого бедного деревенского мальчишки, как он, это было чем-то невероятным. Каждый день, если только не нагружали в школе, Шаопин убежал гулять по городу. Он облазил все его уголки, все закоулки. Успел покрутиться в каждом дворе, обходя стороной разве что самые почтенные учреждения – уездный ревком, военный комиссариат и отделение милиции. Шаопин пролезал везде, убеждая старичков на проходной искренними заверениями, что ему срочно нужно в туалет. Здесь, где все было чуждо и незнакомо, он совсем не ощущал своей вопиющей бедности. Его носило по городу дуновением свободы, он, как губка, впитывал новые впечатления. Даже запах угольного дыма, наполнявший город, казался ему небывалым, ни на что не похожим. Конечно, многое было для него загадкой, но все, несомненно, оставляло след в его душе. Сквозь зеркало городской жизни он словно яснее увидел деревню, где прошли первые его годы. Многие вещи, что казались значимыми в том старом привычном мире, вдруг стали заурядными, бесцветными, ничем не примечательными. Там осталось так много важного, на что он прежде не обращал внимания и что внезапно с яркой мощью ворвалось в его жизнь.

В дополнение к этому бесцельному блужданию у Шаопина появилась привычка жадно глотать книги – из тех, что не задавали в классе. На самом деле эта привычка родилась еще на излете средней школы. Однажды, когда он зашел в гости к Жуньшэну, то заметил на крышке картонной коробки толстенную книгу, которую собирались пустить на подошвы для ботинок. Она называлась «Как закалялась сталь». Сначала книжка его совершенно не заинтересовала: что может быть интересного в закалке стали? Шаопин лениво полистал ее и удивился: внутри ни слова не говорилось про выплавку металла – все крутилось вокруг какого-то советского парня по имени Павка Корчагин. Юноше стало страшно любопытно, он захотел прочесть эту историю, но Жуньшэн сказал, что книжка сестрина. Сестра Жуньшэна, Жунье, была учительницей в уездном центре и почти не приезжала домой. Книга оказалась у Жуньшэна, потому что его мать специально привезла ее в деревню с прицелом вскорости пустить на подошвы. Она согласилась отдать ее, и Шаопин резво побежал домой, где тут же принялся за дело.

Роман совершенно захватил его. Было воскресенье – день, когда Шаопин обычно ходил за дровами. Но в то воскресенье он никуда не пошел. Он спрятался ото всех за стогами пшеничной соломы на деревенском поле и с жадностью накинулся на книгу. Читал до темноты. История Павки Корчагина до глубины души потрясла все его незрелое существо.

Стемнело, но Шаопин и не думал идти домой. Он зачарованно сидел на поле – смотрел на усеивавшие небо звезды, слушал звук речной воды. Он погрузился в невыразимое состояние: в голове был сумбур разлетающихся во все стороны мыслей и глубина, тишь, несказанный покой. Шаопин вдруг почувствовал, что где-то далеко, за горами, окружавшими со всех сторон деревню, расстился огромный мир, и, что, быть может, было еще важнее, смутно осознал: кем бы ты ни был, в каких бы обстоятельствах ни находился, ты можешь быть счастлив. В это мгновение вдохновение наполнило его грудь. Перед его глазами то и дело рисовались исхудалое лицо и пронизанная внутренней энергией фигура Корчагина. Глаза героя не были слепы – сияя голубизной, они вечно глядели на него по-братски из своего далека. И еще младший Сунь никак не мог забыть Тоню. Она была такая хорошая, так любила этого бедного Павку. Шаопин не испытывал к ней ненависти. Момент их окончательного разрыва с Павкой он встретил горячими слезами. Ему страшно хотелось, чтобы кто-нибудь так же любил его самого.

В тот день он начисто забыл о еде, не слышал, как звали домой. Просто выпал из окружающего мира. Уже дома, под ругань отца, под немые упреки брата, нацедив себе над котлом холодной гаоляновой каши, он наконец вернулся в суровую реальность своей жизни...

С тех самых пор Шаопин сходил с ума по литературе, особенно советской. Еще в средней школе он проглотил «Повесть о Зое и Шуре».

Теперь же он всеми правдами и неправдами таскал книги из библиотеки уездного дома культуры, не ограничиваясь школьной. То, что публиковали в те годы из современников, ему совсем не нравилось, – все потому, что он уже прочел не один советский роман. Новые китайские книги казались ему пресными. Он брал только иностранные или те, что успели выйти до «культурной революции»⁷.

Постепенно он погрузился в мир книг с головой. Когда не было особых дел, Шаопин тут же заваливался в свою истертую постель и читал, читал, читал без остановки. Когда он отправлялся гулять по городу, под мышкой у него неизменно торчала книга. Нагулявшись, Шаопин отыскивал укромное местечко и читал. Доходило до того, что даже на классных собраниях и на занятиях по политинформации он тайком листал томик, спрятанный под партой.

Довольно быстро одноклассники донесли о чтении «реакционных» книг классному руководителю. Разоблачила отсутствие интереса к политическому курсу пролетариата сидевшая недалеко от Шаопина хромоножка Хоу Юйин.

В тот день в классе изучали передовицу «Народной ежедневной газеты»⁸ «Командный состав ведет нас к свету знаний». Староста Гу Янминь читал вслух, учитель кивал. Шаопин пропустил мимо ушей все чтение: низко склонившись, он читал под партией очередной роман. Он совсем не заметил, как хромоножка сделала знак учителю, изобличая противоправное поведение младшего Суня. Только когда учитель подошел к нему и вырвал из рук книгу, юноша опомнился. Класс грохнул. Янминь перестал читать. Он смотрел на все происходящее совершенно отстраненно, но чувствовал, что в душе староста радуется его несчастью и с нетерпением ждет наказания.

Учитель положил конфискованную книгу себе на стол и ничего не стал говорить, велел Гу Янминю продолжить чтение.

Когда политинформация закончилась, классный руководитель позвал Шаопина к себе в комнату и вернул ему томик со словами:

– «Красный утес»⁹ – хорошая книга, но ты больше не читай в классе. Ступай.

Переполненный благодарностью, Шаопин вышел из общежития. Он не увидел в глазах учителя ни тени упрека – наоборот, в них были теплота и сердечность. После этого случая он еще больше стал ценить книги. Что хорошего выпадало на его долю каждый день кроме пары гаоляновых булок и книг? Только книги придавали его жизни смысл. Только они дарили успокоение. Они рождали надежду на будущее, и без них он бы не смог выносить горечь и тяжесть своего настоящего.

Но кроме этого было в его жизни еще кое-что, чему он не мог подобрать нужных слов, что дарило его душе тепло и радость. Каждый день на раздаче еды, когда классы разбрелись и он один отправлялся получать свою скромную пайку, Шаопин встречал еще одного человека. Человек этот делал ровно то же самое, что и он.

---

⁷ Идеино-политическая кампания, развернувшаяся в 1966–1976 годы в Китае под предлогом противодействия «реставрации капитализма». Привела к расколу общества, репрессиям против оппозиции, гонению на интеллигенцию и нанесла колоссальный урон культуре и образованию. – *Примеч. ред.*

⁸ «Жэньминь жибао» – официальное китайское печатное издание Центрального комитета Коммунистической партии Китая, выпускающееся на 14 языках, в т. ч. на русском. – *Примеч. ред.*

⁹ Роман о борьбе коммунистов с жестокостью Гоминьдана в Чунцине в 1949 году. Был опубликован в 1961 году, множество раз поставлен в театре и экранизирован. Один из авторов романа – Ло Гуанбинь – покончил с собой в 1967 году, в разгар культурной революции, и роман был временно запрещен к публикации до 1978 года.

Конечно, в самом начале и он, и Хао Хунмэй просто брали хлеб и расходились каждый в свою сторону. Но в один прекрасный день, подойдя за хлебом, она бросила на него взгляд, и он тоже посмотрел на нее. Никто не произнес ни слова: люди часто говорят безо всякого языка. С течением времени этих разговоров одними глазами становилось все больше.

Шаопин вскоре обнаружил, что Хунмэй – самая красивая девушка в классе. Никто не замечал этого, потому что она одевалась в обноски и была болезненно бледной. Ребята одного с ним возраста, едва нахватавшись «культуры», всю свою любовь устремляли на «прогрессивных» девиц. Особенно парни из деревни, которым городские девушки казались по меньшей мере небожительницами. Конечно, они влюблялись еще не всерьез, но кое-что в этом уже понимали и бросались в чувства с пылом, неведомым более опытным людям.

Шаопин еще был далек от этого. Он просто чувствовал, что в его беспечной жизни появился женский взгляд, с нежностью и добротой наблюдавший за ним. От этого сердце переполнялось теплом. Ее милое худое лицо, ее длинная тонкая шея, ее ветхая, едва не рассыпающаяся на куски одежда, – все плыло и волновалось перед ним, как внешние воды.

После долгих дней безмолвных разговоров Хунмэй нерешительно подошла к нему на раздаче и шепотом спросила:

– Что за книжку забрал у тебя тогда классный?

– «Красный утес». Я взял ее в уездном доме культуры. – Его рука, сжимавшая хлеб, слегка подрагивала. Она была так близко. Он не смел посмотреть на нее. Неловко опустив голову, Шаопин сверлил взглядом две булки, что чернели у него в руках.

– Про сестрицу Цзян... – Хунмэй совсем не нервничала, но, заметив его напряжение, тоже почувствовала себя не в своей тарелке. Голос выдал ее.

– Точно! – быстро отозвался Шаопин. – Потом она пожертвовала собой – такая трагедия! – вернул он слово, которое ему самому казалось очень выигрышным. Голова его по-прежнему была опущена.

– Еще была старушка Два обреза¹⁰, – добавила Хунмэй.

– Ты тоже читала? – он наконец-то осмелился посмотреть ей в глаза.

– Нет, папа рассказывал.

– Твой папа читал?

– Да.

– Читал?.. – Шаопин был совершенно поражен, что отец Хунмэй, ходившей в таком рванье, читал «Красный утес». Он никак не мог взять в толк, кем был ее отец.

– Мой отец на земле работает. Из помещиков он. Вернее, дед помещик. Поэтому...

– Он учился в школе?

– Нет, дед учился, он отца грамоте потом и обучил. Но он умер давно. Я не читала никогда эту книжку, но я знаю песни из постановки. Меня поэтому и называли так – Хунмэй, Розовый цветок. Там есть песня такая. «На алом утесе зацветает розовым слива...» – Она тихонько щебетала, а он стоял и зачарованно слушал. Вдруг Хунмэй залилась краской и спросила: – А книгу тебе вернули?

– Нет еще.

– Можешь мне дать потом почитать?

– Могу! – звонко ответил Шаопин.

На следующий день он отдал ей книгу.

---

¹⁰ Одна из героинь романа «Красный утес», прототип которой – реальное историческое лицо, лидер партизанского сопротивления времен антияпонской войны Чжао-Хун Вэньго (1881–1950). По легенде, умела стрелять с двух рук и обучила навыку своих дочерей.

С тех пор все книги, что проходили через его руки, оказывались у Хао Хунмэй. Они обменивались ими втайне. Оба знали, какую реакцию их близкие отношения вызовут у одноклассников, если о них станет известно. Тогда их жизнь превратилась бы в сущий ад.

Глава 3

Минуло пробуждение насекомых и – едва замеченным – прошло весеннее равноденствие¹¹, но желтые равнины еще долго сохраняли свой зимний облик. Деревья торчали в горах черными сухими силуэтами посреди безвидной земли. Только день начал ощутимо прибавляться, а ночь – отступать.

До самого начала апреля все шло по-прежнему, но накануне дня поминовения¹² вдруг задул страшный пыльный ветер, заволакивая небо непроглядной хмарью. Даже днем в домах приходилось зажигать свет. Все говорило, что этот ветер был верным знаком скорого тепла. Время шло к весне, и она вот-вот должна была начаться.

На день поминовения ветер прекратился, но в воздухе осталась пыль. Серая, мутная пелена покрывала все кругом. А потом вдруг резко потеплело, и люди с удивлением заметили, что на ивах у реки и у обочины дороги откуда ни возьмись повисла зеленая поросль. Ветки персиков и абрикосов обметало розовыми бутонами. Стоило внимательно приглядеться, и среди иссохшего дерна можно было поймать взглядом первые точки свежих зеленых травинок на солнечном склоне. Побегии начали потихоньку наливать соком и жизнью, набухли весенними плотными почками и радовали глаз.

В жизни Шаопина не произошло почти никаких перемен. Он все так же жевал свой черный хлеб, читал взятые тут и там на время книги, таскался по городу и одалживал прочитанное Хао Хунмэй. Они узнали друг друга получше и стали общаться куда непринужденнее.

Со временем отношения с одноклассниками тоже стали меняться. Шаопин установил подобие робкой дружбы с другими небогатыми ребятами из деревни. Он много читал, а сверстникам нравилось слушать, как он пересказывает истории из книг. Сердце его ликовало, он больше не чувствовал себя ущербным, негодным. К тому же погода стала теплее, и на школьном дворе все теперь цвело и зеленело, наполняя душу светом. Его тонкий костюмчик был как раз по погоде – не слишком жаркий, не слишком холодный, и если бы не голод, который беспрестанно преследовал его, можно было бы сказать, что все остальное выглядело вполне неплохо.

В тот день после обеда весь класс работал на земле – копали на поле за школой, возле обводного канала. Не прошло и часа, как Сунь Шаопин почувствовал, что от голода кружится голова и все плывет перед глазами. Он обессилено махал мотыгой, всеми силами стараясь не отстать от других.

Юноша едва дотянул до конца. Тут перед ними вдруг вырос Жуньшэн.

– Утром ко мне заходила сестра, велела после обеда приводить тебя к нам домой. Говорит, есть к тебе дело. Сказала, чтобы ты не ел со всеми, у нас поешь.

Жуньшэн вернулся на свой участок, а Шаопин остался стоять, сбитый с толку этим неожиданным приглашением. Зачем он понадобился сестре Жуньшэна? И потом – зачем было звать его домой?

Он ощутил беспокойство, граничащее со страхом. Дядя Жуньшэна был зампреда уездного ревкома – большой человек по уездным меркам. В деревню он приезжал не иначе как на внедорожнике. Юноша вспомнил, как в детстве часто испытывал страстное желание подойти и посмотреть на припаркованный у обочины автомобиль, но не решался. Предложение зайти в гости на ужин вызывало похожие ощущения.

---

¹¹ Сезон *чуньфэнь* начинается 20–21 марта. – *Примеч. ред.*

¹² Имеется в виду Цинминцзе – традиционный китайский праздник поминовения усопших, который отмечается 4 или 5 апреля. День является нерабочим, в этот праздник принято выезжать на природу и посещать могилы предков. – *Примеч. ред.*

При этом старшая сестра Жунышэна ему нравилась, хотя их с Жунышэном отец был секретарем партиячейки, а дядя – вообще уездным начальником, и до них было как до неба – не дотянуться. Это совершенно не мешало Жунье относиться ко всем по-доброму. И главное – она в детстве очень дружила со старшим братом Шаопина, они даже учились вместе в начальной школе. Потом она уехала в уездный центр и среднюю школу заканчивала уже там, а брат Шаопина остался в деревне и занялся хозяйством, но они дружили, как прежде. Потом она стала преподавать в начальной школе и сильно поднялась. Всякий раз, приезжая в деревню, Жунье обязательно заглядывала к семейству Сунь домой и болтала с давним другом. Приходила не с пустыми руками – всегда привозила что-нибудь вкусное для бабушки. Но больше всего поражало то, что она всякий раз навещала с гостинцами своего дальнего родственника – деревенского дурака Тянь Эра. Его сын тоже был дурак. В их доме стояла такая страшная вонь, что нельзя было подойти. Да к ним и не ходил никто. Только Жунье приносила им сладости, и вся деревня нахваливала ее за хорошее обхождение.

Отцу Жунье было далеко до собственной дочери – он совсем не пользовался в деревне уважением. Старшие Суни были люди прямые, они часто сталкивались с секретарем лбами, и отношения между их семьями были не то чтобы очень теплые. Но Жунье старалась сохранять дружбу, и, возможно, только поэтому секретарь не особо приставал к семейству. В глубине души Шаопин испытывал к девушке уважение и благодарность.

Шаопину, конечно, следовало сделать так, как просила Жунье, но ему было страшно и неудобно приходиться к ней домой. Его бросало в жар от одной мысли, что он заявится на порог их дома в своем потертом костюмчике. Ему было стыдно.

Работа закончилась, Шаопин вернулся в общежитие. Приближался ужин, а он все никак не мог принять решение: если просто взять и не прийти, то выйдет совсем неловко, тем более если речь идет о чем-то важном для Жунье, – а идти страшно. Он никогда еще не бывал дома у такого высокого начальства и уж, конечно, не оставался на ужин.

И тут явился выход из положения: он не пойдет к Жунье ужинать; он поужинает в общежитии, а потом отправится сразу в школу, где она работает. Так можно будет повидаться, не переступая порога дома ее дяди. Он знал, где находится ее школа – совсем недалеко от общежития. Ему приходилось бывать там на спортплощадке во время своих долгих прогулок.

Приняв решение, Шаопин понял, что в общежитии ему оставаться нельзя – того и гляди придет Жунышэн – и нужно срочно где-то спрятаться.

Он вышел во двор.

Куда деваться? Время ужина еще не наступило; и потом, даже если бы уже подошел ужин, он бы все равно ждал, пока не поедят другие. Оставалось чем-то занять себя.

Он вышел из южных ворот рядом с хозчастью и побрел вдоль стен школы направо, в сторону небольшого овражка, по дну которого, раздваиваясь, бежал ручей.

Шаопин побродил там какое-то время, оборвал себе покрытую первой зеленью ветку ивы и сделал из нее свистульку. В нем было еще много ребячливости.

Только когда, по его расчетам, школьники должны были заканчивать свой нехитрый ужин, он вернулся на двор через те же южные ворота и подошел к корзинке с хлебом. На дне оставалось только две гаоляновые булки. Это означало, что Хунмэй уже забрала свою порцию и ушла.

Он взял хлеб и пошел в общежитие, размышляя по дороге, как сейчас быстро съест его, запьет кипяченой водой и побежит к сестре Жунышэна. Может быть, придется подождать ее немного у ворот, но это не страшно.

У входа Шаопин замер. Он увидел Жунье, которая сидела на краешке кана и улыбалась ему, явно ожидая его появления.

Шаопин не знал, что сказать, но Жунье сама подошла к нему и с улыбкой произнесла: – Я сказала Жунышэну, чтобы он позвал тебя. Почему ты сразу не пришел?

– Я... – Шаопин замялся.

Жунье ловким движением вынула у него из рук хлеб и спросила:

– Которая миска твоя?

Он показал.

Она положила хлеб в миску и сказала:

– Пошли, поедем вместе.

– Я...

Но Жунье уже тянула его за рукав. Отказываться было поздно. Он встал и пошел за ней. Следом за Жунье Шаопин вошел в ворота уездного ревкома. Его глаза нервно обежали священное пространство. Помещения ревкома, утопленные прямо в горный склон, карабкались наверх ровными рядами. Самую вершину склона венчал актовый зал. Все вместе выглядело грандиозно. Вечером, когда в расселинах, где прятались комнаты, одновременно зажигали свет, ревком казался монументальной высотой.

На самом верхнем ярусе обжитых пещер¹³ Шаопин заметил Жуньшэна, который, наполовину свесившись с кирпичной стены, смотрел, как они поднимаются наверх. Жуньшэн курил самокрутку, неловким движением стряхивая пепел. Стоило любимому сыну Тянь Футана оказаться в городе, как он освоил все замашки местных мажоров.

Следом за Жунье Шаопин вступил во дворик. Жуньшэн тут же подскочил к нему и спросил:

– Я дважды приходил за тобой в общагу, куда ты запропастился?

Шаопину стало неловко.

– Я... пошел сдавать мотыгу, – пробормотал он. Глаза его украдкой обежали двор большого начальства: он заметил четыре входа в пещерные комнаты и небольшое отдельно стоящее строение. За стеной, похоже, жили другие работники ревкома, и планировка там была точно такая же. С восточной стороны двора торчала небольшая хибара, перед которой был свален уголь – скорее всего, кухня. Напротив нее был устроен цветник, и над ним трудился с лопатой в руках мужчина в сером шерстяном свитере. Шаопин подумал, что это и есть дядя Жунье, но, присмотревшись, заметил, что мужчина совсем седой, старый и незнакомый.

В смятении он последовал за Жунье в ближайшую расселину. Жуньшэн сказал, что идет в кино и сразу сбежал. Жунье усадила юношу за квадратный стол и пошла хлопотать с ужином.

Шаопин остался сидеть в одиночестве в совершенно незнакомом доме. Сердце его стучало, как бешеное. Он не знал, куда девать руки, и в итоге чинно уложил их на коленях. Шаопин огляделся. В комнате не было кана, по сторонам стояли какие-то сундуки, шкафы и прочая мебель. Комната была совсем не маленькая – в центре оставалось еще довольно много пустого пространства. Стол был со всех сторон обставлен стульями и табуретками. Здесь явно ели все вместе.

Снаружи донесся женский голос, на который Жунье откликнулась. Она назвала женщину мамой, и Шаопин понял, что это была жена председателя Тяня. Он знал, что женщина работает хирургом в местной больнице. Говорили, что она большой мастер своего дела – народ сражался за право попасть на прием к доктору Сюй.

Он услышал, как женщина сказала:

– Пап, ты чего без куртки? Смотри не простынь.

Ей отозвался хриплый старческий голос:

– Мне не холодно.

Шаопин подумал, что это наверняка тот старик, который копал землю во дворе. Выходит, это тесть секретаря Тяня.

---

¹³ Речь идет о традиционных китайских жилищах – *ядунах*. Такие пещерные дома, распространенные на севере Китая, вырезаются на склонах холмов, либо выкапываются в земле горизонтально, образуя утопающий двор. – *Примеч. ред.*

Вскоре Жунье вернулась в комнату с ярко-красным подносом в руках, и Шаопин вскочил на ноги. Жунье поставила поднос на стол, а потом пододвинула к нему большую миску соевой лапши со свиной тушенкой и положила рядом белоснежные булки. Она нежно коснулась его руки и сказала:

– Садись. Мы уже поели, а ты ешь спокойно – я пойду посуду помою. Не стесняйся, ешь, сколько хочется. Я знаю, что ты недоедаешь. – Она забрала поднос и вышла.

У Шаопина свело горло, и от запаха еды все поплыло перед глазами. Он опустился на стул, взял палочки, сделал глубокий вдох и, ни о чем не думая, нырнул в миску. Шаопин был страшно благодарен Жунье, оставившей его наедине с едой. Иначе он бы мучился от неловкости.

Юноша вылизал миску дочиста и умял пять паровых булок. По правде говоря, он вполне мог бы проглотить и оставшиеся две, но это было бы уже слишком. Он силой заставил себя остановиться.

Шаопин опустил палочки и ощутил, как в животе зашевелилась тупая боль. Он съел слишком много и слишком быстро. Его пищеварение, уже привыкшее к скудной гаоляновой диете, с трудом могло справиться с внезапно выпавшим на его долю счастьем.

Тогда Шаопин поднялся на ноги и попробовал немного походить. В этот момент в комнату вернулась Жунье. Из-за ее спины выглядывала еще одна девушка. Она приветливо улыбнулась.

– Это Сяоя, – сказала Жунье. – Дочка моего дяди Фуцзюня. Она тоже школьница.

– Вы с Жуньшэном одноклассники? – весело спросила Сяоя.

Шаопин буркнул что-то в ответ и почувствовал, как лицо заливается краской. Он вспомнил, что стоит в своей изношенной грязной одежде перед изящной, миловидной, красиво одетой девушкой, словно попрошайка с протянутой рукой.

Жунье собрала со стола посуду. Сяоя заварила чай, поставила перед Шаопином кружку и защебетала:

– Мы с тобой из одной деревни, ты, если чего, забегай к нам посидеть. Я за семнадцать лет ни разу не была в нашей деревне. Вот было бы здорово поехать с тобой и Жуньшэном в наше Двуречье! Я, кстати, учусь в десятом «Б». Жуньшэн тут рассказывал, что из деревни приехали еще двое ребят, они в десятом «А». Так я их даже не знаю – вот, скажи, безобразие!

Сяоя, открытая, смеющаяся, говорила с идеальным произношением. По ней сразу было видно, что она не забитая деревенская простушка.

Шаопин заметил, что блузка у нее застегивается на мужскую сторону, и очень удивился. Он продолжал стоять перед столом, сгорая от неловкости. Когда Жунье отнесла посуду на кухню и снова вернулась в комнату, Шаопин выпалил:

– Если нет ко мне вопросов, то я, наверное, пойду...

Жунье угадала его смущение и с улыбкой ответила:

– погоди, мы еще не поговорили!

Тут только Шаопин вспомнил, что она звала его для какого-то разговора. Жунье, словно бы почувствовав, в чем состоит затруднение, поспешно добавила:

– Ладно, давай я тебя провожу, а по дороге поговорим.

– Чаю бы выпил, – вставила Сяоя, пододвигая ему чашку.

– Нет, не буду! – нескладно, по-крестьянски ответил он.

Сяоя засмеялась, обнажив белоснежные зубы:

– Выходит, зря я тебе наливала!

Шаопин почувствовал, что в ее насмешке не было злобы, а только дружеская поддевка, но от этого смутился еще больше. Он покраснел до ушей и не знал, что сказать. Сяоя, увидев, что творится с Шаопином, с улыбкой кивнула и вышла.

Шаопин побрел с Жунье обратно к школе. Спустя какое-то время Жунье внезапно спросила:

– Ты в эту субботу поедешь домой в деревню?

– Поеду, – ответил Шаопин.

– Ты скажи, пожалуйста, брату, что если у него найдется время, пусть заглядывает ко мне... – Жунье не смотрела ему в глаза. Низко опустив голову, она пинала ногой камушек.

Шаопин не мог взять в толк, зачем ей вдруг понадобился его брат. Жунье ничего не сказала прямо, а ему было неловко спросить.

– Ну, не знаю, – процедил он, – дома полный раздрай, вряд ли он вырвется...

– Неважно. Просто скажи ему приезжать, обязательно передай это, слышишь! Как только он окажется в городе, пусть сразу идет ко мне! – решительно сказала Жунье.

Шаопин понял, что ему просто так не отделаться, и пообещал непременно передать брату ее слова.

– Вот и славно, – она бросила на него благодарный взгляд.

Небо потихоньку начало темнеть. В городе тут и там зажигали огни. Ветер мягко скользил по щекам, донося едва ощутимый запах земли и свежей, едва проклюнувшейся травы. Весенняя ночь была чудо как хороша.

Жунье проводила его до ворот школы и остановилась.

– Ступай скорее... – сказала она и юрким движением сунула ему что-то в карман, развернулась и зашагала прочь. Сделав пару шагов, девушка обернулась и прокричала: – Купи по карточкам муки и риса!

Шаопин не успел сообразить, что к чему, как она уже скрылась за поворотом. Он остался стоять в темноте. Его рука скользнула в карман и сильно сжала маленький бумажный конвертик. В носу защипало, глаза заволокла пелена.

Глава 4

В пятницу Шаопин отпра­сился на полдня и пошел на пункт прод­снабжения с теми карточками, что дала ему Жунье. Он купил десять кило белой муки и пятнадцать ку­курузной. Всего у него оказа­лось прод­талонов на двадцать пять кило, что по тем временам было совсем не скромным запасом.

Еще в конверте лежали тридцать юаней деньгами. После покупки муки у Шаопина оста­валась десятка – на нее он планировал купить для бабушки обез­боливающее и глазные капли, а свои немалые приобретения потратить на новые талоны в школьной столовой.

Он притащил купленную муку в общежитие и взамен получил талоны на пятнадцать кило ку­курузного хлеба и два с половиной кило пшеничного. У него осталось семь с половиной кило белой муки, которую было жалко потратить на себя. Ее Шаопин хотел отвезти домой для бабушки и племянников. Ему самому вполне хватило бы ку­курузного хлеба, которым он мог теперь разнообразить свои скудные гаоляновые будни. Талоны на пшеничный хлеб Шаопин заготовил на случай приезда брата: разумеется, нехорошо ему будет каждый день столоваться у Жунье и уж тем более ощущать на себе презрительные взгляды чужаков на школьном дворе, когда они придут туда вместе...

На следующий день Шаопин отпра­вился в аптеку за лекарствами, а потом отнес мешок с мукой к Цзинь Бо. Они вдвоем закрепили его на заднем сиденье велосипеда, чтобы вместе отпра­виться с гостинцами домой.

В школе, как всегда в это время, стояла страшная суматоха. Деревенские ребята спешно сматывали свои сдувшиеся за неделю крупяные мешки и стайками вылетали из ворот наружу. Кто на своих двоих, а кто на велосипеде, они отпра­влялись домой, чтобы провести вечер в кругу семьи. Ребята побогаче могли рассчитывать на вкусный обед и ужин. Родители щедро набивали их мешки на следующую неделю в надежде украсить дополнительной порцией небо­гатый столовский рацион. Школа оста­валась тихой и безжизненной, словно морской берег в отлив. Только вечером воскресенья ее опять наполняли шумные ученики, и их мир возвра­щался к своей обычной бойкой жизни.

Шаопин и Цзинь Бо выехали из города и покатались вдоль большой дороги на запад, то и дело сменяя друг друга за рулем велосипеда, как они давно привыкли делать в пути. Было весело и беззаботно.

Когда они въехали в Горшечную, Шаопин вдруг резко ударил по тормозам. У обочины возле дома старшей сестры он заметил свою младшую Ланьсян, которая как будто бы ждала кого-то. Уж не его ли?

Они с Цзинь Бо спрыгнули на землю. Ланьсян подбежала к велосипеду, и Шаопин раз­глядел ее заплаканное лицо.

– Что случилось? – быстро спросил Шаопин.

– Сестрин муж... – только и смогла вымолвить она, прежде чем опять разрыдаться.

Шаопин обернулся и сказал, чтобы Цзинь Бо ехал домой. Бог с ней, с этой мукой, потом заберем. Тот сразу сообразил, что с зятем Шаопина что-то стряслось и он, вероятно, будет сейчас лишним. Он осед­лал велосипед и, обернувшись, бросил напоследок:

– Если чего, свистни...

Когда Цзинь Бо уехал, Шаопин погладил сестру по голове, чтобы она хоть немного успо­коилась.

– Не плачь, расскажи, что случилось.

Ланьсян смахнула слезу:

– Его забрали на перевоспитание...

– Господи, я подумал, что он умер. Где это случилось?

– В нашей деревне.

– Как так вышло?

– Он приторговывал крысиным ядом. А теперь говорят, что пошел по буржуазному пути...

Шаопин почувствовал себя гадко. Он знал, что теперь из-за этого о его семье станут плохо говорить в коммуне. В те годы народ мог недоедать и недопивать, но свято хранил неколебимость политической линии. Стоило кому-нибудь опозориться, как все его родные оказывались втянутыми в эту дурную игру – у них за спиной начинали судачить обо всем, о чем только можно. Оказавшись замаранными, члены такой семьи больше не могли рассчитывать на официальные должности. К тому же его зять вообще был большой лентяй и никогда не работал как следует. Вся семья держалась исключительно на сестре. Теперь, если зятя отправят на перевоспитание, семья потеряет работника, но это еще будет не самое страшное: гораздо хуже, что у семьи отрежут трудовни. Совершенно непонятно, как теперь это отразится на общем доходе. Даже если сложить все заработанное непосильным трудом за много лет, им никак не удастся расплатиться с долгами.

– Вот мудак, – злобно сказал Шаопин.

– Так сестру жалко... – выдавила Ланьсян.

В этом году ей исполнилось тринадцать, и в ней уже появилось женское изящество. Одежда Ланьсян была затасканная, но иссиня-черные короткие волосы острижены аккуратно и ровно. Ее белоснежный подбородок казался высеченным из камня. Словом, она была очень симпатичной девочкой. С детства Ланьсян отличалась сообразительностью, воспитанной в ней сложностями жизни. Уже в четыре года она отправлялась в поле со своей маленькой корзинкой и собирала траву для свиней или хворост для очага. Она была способной и все схватывала на лету. Настоящий талант был у Ланьсян к математике. Когда отец и брат считали дома расходы и доходы, она часто опережала двух взрослых людей в подсчетах, заставляя их замирать от удивления.

Теперь же брат и сестра стояли на дороге в Горшечной и испытывали только страшную ненависть к своему зятю Ван Маньиню.

– Пойдем, – сказал Шаопин сестре. – Пошли домой.

– Сестра велела мне здесь караулить, – ответила Ланьсян.

– Не надо тебе в доме одной оставаться. И вообще – что здесь караулить? Одна битая посуда. Такое богатство задаром никому не нужно. Пошли, запрем дверь на замок и пойдем домой.

– Ладно, – отозвалась Ланьсян, которой давно надоело торчать в Горшечной. Она хотела вернуться и посмотреть, насколько плохо обстоят дела.

Вдвоем они заперли двери сестриного дома и побежали по тропинке к родным.

Примерно за один ли до деревни брат и сестра остановились. Никто не решался идти первым. Коммунальные поля, отданные под стройплощадку нового грандиозного объекта, лежали как раз перед ними. Был слышен рев высокочастотного репродуктора. Вдалеке, на противоположном берегу реки, развевалось много красных флагов, люди обтекали их, как муравьи. Ланьсян и Шаопин подумали, что их треклятый зять наверняка там. Быть может, и отец тоже – он все-таки был членом стройотряда. И дядя – член парткома производственной бригады, глава стройотряда. Если бы он мог чем-нибудь помочь! Но нет, такой начальник не станет стараться ради буржуазного элемента. И потом, при такой стройке века даже при всем желании не было бы возможности что-то сделать.

Они были напуганы тем, что открылось их глазам, и не знали, как поступить. Если пойти по большой дороге, их наверняка заметят в деревне на том берегу и выйдет жуткое позорище. Местные, может статься, будут показывать на них пальцем и говорить работникам из других деревень: «Вы посмотрите, кто идет! Это же шурин и свояченица Ван Маньиня!»

– Пойдем лучше в обход, зайдем с той стороны холма, – предложила Ланьсян.

Шаопин подумал немного и согласился. Они пошлепали по воде на другой берег и вернулись домой обходным путем, по меже между посадками.

Добравшись до высокого склона, который нависал над стройплощадкой, они не удержались и, по-кошачьи примостившись на краешке, стали смотреть вниз. Там трудились, но так, словно вели боевые действия. Люди сновали по стройплощадке туда-сюда, флаги трепетали, репродуктор захлебывался, комья желтой земли взлетали в воздух. Было шумно, многолюдно и странно.

Политический расклад в семьдесят пятом был престранным – и оттого многое в жизни пошло в разнос, оказалось смято и потревожено. Пружины классовой борьбы в деревне были натянуты до предела. Любая работа – будь то в уезде, коммуне или производственной бригаде, – шла под знаменем революционной критики со стороны масс. В некоторых уездах в производственную бригаду вдруг могли нагрянуть человек четыреста – пятьсот кадровиков, освобожденных по служебной необходимости от исполнения своих обязанностей, – все для того, чтобы подвергнуть критике буржуазный уклон какого-нибудь секретаря. В коммунах появлялись вооруженные «отряды народного ополчения». Их главной задачей было ведение классовой борьбы. Сколоченные из скорых на расправу молодчиков, они с оружием в руках изымали у крестьян свинину, зерно и другие продукты, которые запрещено было тогда продавать. Они собирали всех, кто вздумал вести приусадебное хозяйство или заниматься другими буржуазными приبلудами, – воришек, картежников, пакостников, дебоширов, сварливых баб – и скопом отправляли их на «трудовое перевоспитание» на стройках социализма.

Зятя Шаопина утром привели под конвоем ополченцев на стройплощадку. За несколько дней до этого он отправился в уездный город и купил там с рук у одного кустика из Хэнани немного крысиного яда. На обратном пути он продал на рынке в Каменухе с десяток пакетиков с ядом и заработал на каждом по пять фэней. Все выгоды не набралось и на юань. Об этом деле каким-то непостижимым образом узнали в отряде народного ополчения. Его жена Ланьхуа больше всего переживала, что ее брата Шаоаня не оказалось дома. Если бы Шаоань был рядом, на сердце не было бы так беспокойно.

Глава 5

Сунь Шаоань ничего не знал о том, что случилось дома и в деревне. Он стоял на коленях в нехитром сарае на ветеринарной станции соседнего поселка и отпаивал лекарством павшего на ноги быка производственной бригады.

Очень трудно в одиночку справиться с бестолковым бычарой. Вечером Шаоаню помогали люди с ветстанции: один держал быка за голову, другой вливал лекарство, и выходило куда проще, чем сейчас. Но стояла уже глубокая ночь, работники ветстанции давно разошлись по домам и спали мертвецким сном.

Шаоань, скрючившись, стоял в зловонном сарае, одной рукой зажав бычье горло, а другой сжимая жестяной шприц. Набирая лекарство из битого таза, Шаоань тянул на себя бычью морду, раздвигал головкой шприца сжатые челюсти и впрыскивал новые и новые порции. Иногда он пережимал рукоятку поршня, и бык оплевывал его лекарством, но это было совершенно не важно. Главное – не дать животному выплюнуть все разом. Все силы уходили на то, чтобы зажимать рукой его горло. Колени вминались в унавоженный пол, оставляя глубокие вмятины. Шаоань обливался потом.

Это был лучший бык всей бригады, от которого напрямую зависела их жизнь. Он был молодой, мощный, здоровый, работал на зависть всем в деревне. Глава второй деревенской бригады Цзинь Цзюнью предлагал в свое время сменить его на двух других, прибавив к ним в довесок хорошего осла, но Шаоань не согласился. Во время пахоты он обыкновенно не доверял быка никому другому и частенько сам ходил за плугом – боялся, что другие замордуют животное. Шаоань вмешивался и в кормежку, указывая старику Тянь Ваньцзяну, что и как ему делать. Бычара получал все самое лучшее.

Кто мог знать, что в этом году, едва только начнутся первые весенние работы, он сляжет и начнет воротить от еды морду. Те два дня, что бык ничего не ел, Шаоаню тоже не шел кусок в горло. Утром он взял быка и сам привел его на ветстанцию. Там после осмотра оказалось, что дело не смертельное – просто какое-то воспаление в животе. Ветеринар сказал, что после лекарства должно стать получше. Он развел препарат и дал быку одну дозу. Работники ветстанции сказали, что хорошо бы повторить процедуру часов в двенадцать ночи. Шаоань собирался в тот же день вернуться домой, но, поразмыслив, решил переночевать в поселке, чтобы не утомлять скотину долгой дорогой.

Он впрыснул между бычьих губ последнюю порцию лекарства и нежно потрепал быка по холке. Потом устало поднялся, поставил опустевший тазик со шприцом на окно, отметил про себя, что глаза у бычары стали поживее, и немного успокоился.

Он вышел из сарая. Ветстанция была погружена в кромешную тьму. Откуда-то долетал громоподобный храп. Ночь еще не пошла на убыль.

Шаоань большими шагами пересек двор и вышел из глинобитных ворот ветстанции на большую дорогу. Впереди маячили улочки поселка – там тоже было пусто, только горело несколько бледно-желтых фонарей.

Он размышлял, как ему быть с ночевкой. Днем Шаоань не успел зарегистрироваться в местной гостинице. Оказавшись в поселке по служебной необходимости, он вполне мог позволить себе заплатить за постой, но теперь, скорее всего, время было упущено. В поселке Рисовское была только одна маленькая гостиница, места в которой обычно разбирали еще до темноты.

Он шагал по дороге в сторону поселка, сам не зная куда. Если бы дело было в Каменухе, то там нашлось бы, к кому обратиться. Там он даже был знаком с работниками коммуны и сумел бы пристроиться к кому-нибудь на ночлег. Но Рисовское располагалось уже за границами родного уезда, и все здесь было чужое. Летом можно было бы просто улечься во дворе ветстанции,

но сейчас, ранней весной, утром и вечером стоял настоящий холод, когда без куртки на улицу нечего было и соваться. К тому же поселок расположился в большой речной долине, где гуляли сильные ветры.

Шаоань шел безо всякой цели и не задумывался о том, что станет делать на улице. Вдруг он вспомнил, что дочка Цзинь Цзюньшаня вышла замуж и уехала в это самое Рисовское. Вроде как ее муж работает в здешней столярной мастерской и, кажется, живут они неподалеку. Можно было попробовать сунуться к ним.

Шаоань покачал головой и быстро отогнал от себя эту мысль. Было слишком поздно, наверняка они уже спали. Не следовало будить их среди ночи.

Вскоре Шаоань дошагал до домов. Улица была разбитая, но здесь теснились друг к другу намного больше лавок, чем в Каменухе, – сразу видно большой поселок. Шаоань грустно прислонился к телеграфному столбу. Он не знал, что делать. Сумрачные огни освещали его высокую фигуру. Он был очень похож лицом и сложением на своего младшего брата, но от постоянного физического труда казался гораздо мощнее. У него был прямой выступающий нос, отдававший чем-то греческим. Уголки губ слегка загибались книзу, а по коже разбегалась сеточка тонких морщин. Во всем этом проглядывал железный характер. По его взгляду сразу можно было сказать, что Шаоань – человек опытный. Хотя ему было всего двадцать три, но никому, даже умудренному старику, и в голову бы не пришло относиться к нему несерьезно.

Стоя под фонарем, Шаоань нащупал в кармане клочок бумаги, вытащил из кисета щепотку табака и привычным движением скатал самокрутку. Он всегда курил сигарки – с трубкой было лень заморачиваться ради пары затяжек. Настоящие сигареты он позволить себе не мог и покупал их только по какому-нибудь значительному поводу. Сейчас в кармане у него лежало полпачки неплохих сигарет, но курить их было жалко. На самокрутки уходила за год уйма бумаги – газетная была слишком толстой, и поэтому Шаоань часто вертел свои сигарки из старых тетрадок Шаопина и Ланьсян.

Скатав самокрутку, он понял, что у него нет огня. Слишком торопился, вот и забыл свою зажигалку на кане, а в поселке уже не было времени купить спичек. Курить хотелось страшно.

Вдруг издалека донесся слабый стук, словно бы кто-то бил по железу. Звук доносился с другой стороны улицы, и Шаоань решил, что там, где куют, наверняка найдется огонь, чтобы закурить. Зажав самокрутку между пальцами, он широкими шагами направился на звук.

Шаоань добрался до самого конца небольшой улицы и увидел внизу, у подножия холма, кузню. Одна створка двери была закрыта плотно, а другая – не до конца, так что оставалась маленькая щель. Изнутри светило красным и доносились звонкие удары молота, похожие на резкий звук лопающихся зерен.

Шаоань немного поколебался и толкнул дверь. Он увидел двух кузнецов: старика и молодого парня. Старый был явно за главного. Он сжимал щипцами раскаленный кусок железа, лежавший на наковальне, а другой рукой лупил по нему небольшим молотом. Ученик кузнеца наносил свои удары следом за учителем, на то же место, орудуя большой кувалдой. Железо пело. Искры разлетались, как брызги. На кузницах были надеты усеянные дырками холщовые фартуки.

Когда Шаоань вошел в дом, никто не обратил на его появление никакого внимания. Но вот железо начало потихоньку остывать, старик сунул его обратно в печь, и двое кузнецов с удивлением уставились на незнакомца.

– Огоньку не одолжите, уважаемый? – пробасил Шаоань.

– Отож, – сказал старик и протянул ему щипцами алый уголек. Шаоань наклонился и прикурил. Поговору было понятно, что старик – хэнанец. Почти все кузнецы на желтоземье были из Хэнани. По всей стране можно было встретить этих упорных трудяг, кочующих повсюду, – пожалуй, если бы выехать из страны было бы так же просто, как пересечь границу провинции, они бы давно распространились по миру, выплеснувшись за пределы Китая. Кроме откровен-

ных бездельников, – которые встречаются во всяком народе, – все хэнаныцы с охотой брались за любое дело и своей сноровкой и мастерством зарабатывали на жизнь.

Шаоань прикурил и, стоя у горячей печи, вдруг почувствовал, что продрог. Он сел на корточки и стал греть руки у огня.

– Время-то позднее, а ты не в постели. Откуда будешь? – спросил хэнанец, управляясь с мехами.

– Я из Двуречья, приехал вот подлечить нашего быка. Ночь, конечно, на дворе, да я что-то не приткнулся нигде... – сказал Шаоань.

Молодой парень откликнулся:

– Небось в гостинице уже все места заняты.

– Это да... – пробормотал Шаоань, продолжая мучительно думать, куда ему податься.

– Я так думаю, в поселке места уже не найдешь... Слышь, а есть у тебя здесь кто знакомый? – спросил старик.

– Нет.

– Ага... – протянул кузнец, поворачивая щипцами железо. – Ну если правда некуда пойти, не побрезгуй – мы подвинемся. Постели не дадим, зато тепло...

Хэнанец был из тех, кто сам часто оказывается без крыши над головой и оттого испытывает сочувствие ко всем путникам, с удовольствием выручая попавших впросак.

Шаоань радостно поднялся:

– Вот спасибо, уважаемый. Да только не будет ли вам в тягость?

Он был страшно благодарен старому кузнецу. Без постели вполне можно было обойтись – просто посидеть у печи, а там, глядишь, и до утра уже недалеко останется. Все лучше, чем куковать где-нибудь в поле, клацая зубами.

– А что же вы сами-то не ложитесь?

– Да уже уговорились с заказчиком, что ему завтра с утра забирать. Чего делать, – ответил молодой.

Шаоань бросил взгляд на раскалившееся в печи железо, вытащил из кармана две заводские сигареты и протянул их парню:

– Ты посиди передохни, уважаемый, я за тебя поработаю пока.

Ученик кузнеца с радостью ухватил сигаретку и протянул свою кувалду Шаоаню. Старый хэнанец не прерывал работы, и Шаоань заложил вторую сигарету ему за ухо.

Когда кузнец положил железо на наковальню, Шаоань взялся за дело, чередуя удары. Он часто чинил поломанный инвентарь бригады и подменял в Каменухе тамошнего кузнеца-хэнаныца, а потому кузнечное дело было ему не в новинку. И потом на его долю выпала работа, не требовавшая особого мастерства – только чистой силы.

Когда они закончили один круг, старик-кузнец и его ученик стали нахваливать своего случайного помощника. Шаоань улыбнулся:

– Поработал – сразу согрелся.

Он еще дважды брал в руки кувалду. Когда изделие было почти готово, Шаоань отдал ее ученику.

Выковав заказанную мотыгу, кузнецы прибрали инструменты с небольшого возвышения в уголке и застелили его куском парусины.

– На одну ночь сгодится, – сказали и нырнули во внутренние комнаты.

Шаоань пододвинул старую наковальню и набросил на нее свою куртку, намереваясь использовать ее вместо подушки. Загасив свет, он устало улегся на парусине и быстро уснул.

На следующее утро, перекусив на скорую руку, Шаоань пошел на ветстанцию за быком. Вместе они побрели домой, в Двуречье. Вся дорогу Шаоань не торопил скотину – они шли медленно, в неспешном ритме большого животного. Путь в тридцать ли растянулся до полудня.

Только ближе к обеду Шаоань с быком подошли к северному краю деревни. В канаве у дороги он заметил старика Тяня, который, согнувшись, выискивал там что-то. Только когда Шаоань поравнялся с ним, старик Тянь Эр узнал его.

– Дядь, пошли обедать, – сказал Шаоань.

Тот загадочно улыбнулся ему:

– Ничто не вечно под луною... – Сказав это, он снова опустил голову и продолжил ворошить траву и палки в канаве.

Шаоань потянул быка и пошел дальше. Про себя он подумал, что если доживет до такого состояния, то точно повесится. Потом пришла другая мысль, изрядно его повеселившая: в таком состоянии, наверно, смерти вообще не существует.

Отец и сын Тяни были членами его бригады. Ему было жалко этих двоих юродивых. Всякий раз, когда Шаоань видел, как деревенские озорники издеваются над ними, он обращал мальчишек в бегство. Слабоумного сына Тяня он пристроил на стройку в надежде, что там за ним будут лучше присматривать.

С этими мыслями Шаоань вошел наконец в деревню. Он собирался отвести быка в стойла у Тяневой насыпи, но по дороге ему встретился бригадир Цзинь Цзюнь, тащивший на коромысле навоз. Он переходил по камешкам реку и, приметив Шаоаня, закричал:

– Эй, брат, погоди!

Бригадиру было лет сорок. Это был рослый, крепкий мужик с цепкими, крупными глазами – резкий, но расчетливый. Во всем семействе Цзинь ему не было равных. Отец Цзюнь при старом режиме слыл известным на всю округу ученым; он умер двадцать три года назад. Сыновьям совершенно чужд оказался его запал. Старшему, Цзинь Цзюньвэню, стукнуло уже пятьдесят – он тоже был не робкого десятка, но предпочитал не высовываться. Умел все: класть печи, резать скотину, обжигать горшки. Его дети – Цзинь Фу и Цзинь Цян – были настоящие разбойники. Цзюньшань был видным человеком – заместителем секретаря производственной бригады, а Цзюньхай работал водителем в округе. Их младший брат Цзинь Цзюньбинь совсем не походил на своих родственников. Он вел себя, как настоящий простак, почти что дурачок, а семья держалась на неукротимом, хитроумном Цзинь Цзюнь – и держалась, в общем-то, неплохо. Никого в деревне не задевали. Хотя бригадир силы было не занимать, он никогда не опирался на нее, а выезжал исключительно умом и хваткой. Со старшими Цзинь Цзюнь всегда обходился почтительно, натура у него была щедрая, широкая. Никто не мог уличить его в мелочности. Как и Шаоань, он никогда не обижал тех, кто послабее. Бригадир не тушевался перед лицом вышестоящих товарищей, даже Тянь Футана. Он особенно ценил и уважал Шаоаня, годившегося ему в сыновья: Шаоань был парень сметливый – на мякине не проведешь, привычный к житю на особинку и настоящей мужской решительности. Его первая бригада работала еще лучше цзиневой второй. Хотя отношения между бригадирами были хорошие, они не могли не соревноваться в душе друг с другом. Цзюнь уже целый год проигрывал по всем статьям Шаоаню.

Заслышав окрик Цзюнь, Шаоань потянул быка за веревку и остановился, поджидая, пока тот переберется через реку.

Тот опустил свое коромысло у дороги, стянул обвязанное вокруг головы полотенце и вытер пот.

– Говорят, ты в поселок ходил. Как бычара-то? Живой? Если чего, давай сменяемся – даже если помрет на вторые сутки, я в обиде не буду, – гоготнул Цзинь Цзюнь.

– Да будь он сто раз мертвый, мне твои три красавца не нужны. Что за дело-то? – спросил Шаоань.

– А ты не знаешь? – поглядел на него бригадир.

– Да говори. – Шаоань совершенно не представлял, о чем пойдет речь.

– Твоего зятя притащили из Горшечной в нашу деревню и отправили перевоспитываться на стройку, что у вас за домом. Вчера вечером было собрание по критике на школьном дворе.

– За что? – в голове у Шаоаня что-то щелкнуло.

– Говорят, продавал крысиный яд...

Цзюнью смущенно посмотрел на Шаоаня. Потом он взялся опять за свое коромысло и сказал:

– Шел бы ты домой. Сестра привела детей, сейчас все там.

Шаоань сделал вид, что ничего особенного не случилось.

– Ладно, ступай. Сведу быка в стойло, а там посмотрим, – сказал он. – Вот же херня какая! Небось, одними работами не обойдется, еще и контрой объявить могут?

Цзюнью кивнул и, взвалив на себя коромысло, ушел.

Шаоань торопливо потащил быка в стойло. Он отдал лекарство тамошнему старику Тяню, а сам поспешил домой.

Перед Цзюнью не хотелось выказывать ни малейшего волнения – только давать тому повод для насмешек. Но на душе скребли кошки. Для их семьи, все время ходившей по самому краешку, даже мелкая неприятность могла иметь катастрофические последствия. То, что произошло сейчас, было совсем нешуточным делом: мало того, что зять опозорил всю родню, – он поставил свою семью на грань гибели, что означало скорые сложности для всех без исключения. Шаоань знал, что ни он, ни отец не смогут отказать в помощи сестре и ее детям и теперь все будет зависеть от него. Ему придется не просто решить проблему, но и стать для своих родных главным утешителем.

Пока Шаоань шел до дома, в голове у него крутились всякие мысли. Было ясно, что для коммуны история с крысиным ядом была образцово-показательной поркой. Если бы все случилось в родной деревне, он бы сразу побежал по знакомым – сперва к Цзюньшаню, потом к бригадиру Цзиню, к своему дядьке Юйтину, наконец, к большому человеку Тянь Футану. Да много, много еще было возможностей решить проблему, опираясь на баланс разных сил. Не везде даже нужно было появляться лично. В самом Двуречье Шаоаня знала каждая собака. Но зять был из другой деревни, и в деле оказалась замешана коммуна, никак не связанная с Двуречьем. Никакими очевидными способами Шаоаню было не решить эту проблему.

Что же делать? Когда он поднимался на родной холм, мысли метались, не останавливаясь ни на секунду, но решение все не находилось. Было ясно только одно: действовать нужно через коммуны в Каменухе. Тамашний секретарь Лю Гэньминь в начальной школе был его одноклассником, можно было с ним потолковать. Но больше он не знал никого, хотя там, может, и знали самого Шаоаня...

Добравшись до ворот, он оставил все эти соображения. Шаоань знал, что теперь ему предстояло столкнуться один на один с переживаниями своих родных.

Он постоял какое-то время перед входом, чтобы успокоиться, а потом, нарочито легким движением, открыл дверь. Мать, сестры и бабушка – четверо женщин – обрадовались его появлению, как небесному знамению. Самые дорогие его люди надеялись на него, как на единственное спасение. Стоило чему-то случиться – все смотрели на него с надеждой. Разве мог он обмануть их ожидания? Его тут же наполнила крепкая мужская решительность. Он спокойно обратился к матери:

– Отец на холмах?

Она кивнула и промокнула передником слезы с лица, решив, что нельзя больше плакать и расстраивать сына.

– Брат приехал? – обратился он к Ланьсян.

– Приехал, – отозвалась она. – Просто пошел к Цзинь Бо забрать какие-то вещи.

Не успела она закончить, как Ланьхуа упала к Шаоаню на грудь и зарыдала в голос.

– Будет, будет, родная, я уже рядом. Гляди, вон уже глаза все опухли, – нежно сказал он. – Тебе надо себя беречь, на тебе дети. Где они, кстати?

– Ушли с Шаопином, – сказала она.

Бабушка опустила на кан и, обведя все семейство взглядом, заулыбалась беззубым ртом. Шаоань достал завернутые в полотенце кексы, которые купил в поселке, и положил их рядом с ее постелью. Один, помягче, он вытащил наружу и сунул бабушке в руку со словами:

– Вот, попробуй, очень мягкие, легко жуются.

Старушка взяла кекс и, сделав жест всем остальным, протянула:

– Позовите ребят-то, пусть попробуют.

Шаоань отметил про себя, что все более-менее успокоились. Тогда он вышел из дома и завернул за угол. У него все еще не было никакого готового решения.

Что может сделать он, парень от сохи? Любая работа на земле, от которой стонали другие, была для него плевым делом – он был уверен, что справится с ней всем на зависть, но тут было другое, совсем другое.

Он нервно мерил шагами землю у дома.

Мощный абрикос у восточной стены уже обсыпало белыми, как пудра, цветами. Его посадили давно, когда семья только перебралась в деревню, – дерево было почти что ровесником Ланьсян. В страду с него всегда можно было набрать корзину-другую золотистых, медово-сладких абрикосов. Хватало всем наесться от пуза. Сердобольная мать раздавала остатки деревенским ребятишкам. Но последние два года абрикос не радовал урожаем. Двое прожорливых племянников Шаоаня ждали зазря. Шаоань очень любил эту резвую парочку. Зная, что отец у них на редкость бестолковый, он чувствовал свою ответственность за детей – и все думал, что ради них одних стоит разобраться со свалившейся, как снег на голову, проблемой.

Тут он заметил брата, который поднимался на холм с мешком в руке. Другой рукой он вел их племянника Гоуданя. За ними бежала Маодань, что постарше.

Шаопин тоже заметил брата и зашагал быстрее.

– Чего несешь? – спросил Шаоань.

– Муки семь кило, – отозвался тот.

– Муки? Где взял? – удивленно пробасил старший. Для их семьи это было колоссальным подарком.

– Жунье дала...

– Жунье?

– Ну да. – Шаопин рассказал брату всю историю целиком. В конце он твердо добавил: – Она сказала, чтобы ты обязательно вырвался к ней в ближайшее время.

– Она не сказала зачем?

– Нет. Только велела тебе приезжать... – сказав это, Шаопин потянул детей в дом.

Шаоань остался снаружи. Он грустно подошел к абрикосу и легонько коснулся его коры, а потом вскинул голову и оглядел белоснежные цветы, обметавшие ветки. Мысли вернулись в прошлое...

Глава 6

Когда Шаоань был еще ребенком, семья жила на Тяневой насыпи – там, где остался теперь один его дядька Юйтин. Это было совсем недалеко от дома Жунье. В те годы родные Тянь Футана уже жили куда более завидной жизнью, чем семья Сунь Юйхоу, но еще не взлетели так высоко. При старом режиме отец Футана и его дядя батрачили на разных небедных людей. Семьи Тянь и Сунь дружили. Первое время после гражданской войны ничего не поменялось – мама так же частенько ходила с Шаоанем и Ланьхуа к ним в гости. Жунье была младше его на год. Они были вечные товарищи по играм и постепенно так прикипели друг к другу, что стали не разлей вода. Шаоань вставал утром и сразу начинал ныть, что хочет к Жунье, а Жунье плакала по вечерам, что хочет к Шаоаню. Ее мать только разводила руками. Они часто подолгу бесились. Если дома готовили что-нибудь вкусное, взрослые всегда передавали немного угощения для соседских детей или попросту звали в гости. На день рождения мама и тетя Тянь всегда красили белую нитку красной краской и вешали им на шею. Это был «замок», сохранявший ребенка от несчастий и болезней.

Потом, когда дети немного подросли, дом и двор перестали привлекать их. Они стали выскальзывать на улицу и убежать в большой мир. Весной, когда цвели персики и абрикосы, а на ивах появлялись первые зеленые ростки, в потрепанных штанишках с разрезом¹⁴ они отправлялись на склон холма за только-только проклюнувшейся дикой травой. Во рту от нее все жгло и немело. Это было первое, что узнавали губы после бесконечно долгой зимы. Летом, как только начиналась жара, они, как все деревенские, начинали бегать нагишом. Мальчишки и девчонки целыми днями не вылезали из речки, плескались в воде, задирали друг друга и мазались илом. За лето они загорали до черноты. Осень была самым сладким временем. Дети стайками носились по окрестностям, выискивая все съедобное, что успело поспеть. Часто они набивали живот так, что дома даже не могли есть. Но все равно худели. Зимой сильный, холодный ветер, острый, как нож, загонял их под крышу. Приходилось скучать весь день дома – только в теплые дни они с Жунье переходили по льду речку и шли на Цзиневу излучину искать битый фарфор, водившийся там в изобилии. Раньше на излучине жило много богатых людей. Фарфоровые осколки были тонкими и красивыми, покрытыми глазурью с чудесными узорами. Зимой трава отступала и осколки выходили на поверхность. Они собирали их, как сокровища, и хранили в домашней кумирне¹⁵. Какие еще игрушки были у них, детей этой бедной земли? Эти находки были их самым ценным имуществом.

Год за годом их семья становилась все беднее, а семья Тянь поднималась все выше. Жунье начала носить красивую цветную одежду, а он с каждым годом все сильнее обтрепывался. Но они всё по-прежнему играли вместе.

Когда Шаоаню было шесть лет, отец дал ему мотыжку и немного веревки.

– Шаоань, – сказал он, – ты уже большой. Надо приниматься за работу. Пошли за хвостом.

– Нет, не пойду, я хочу поиграть с Жунье, – запротестовал он.

– Жунье – девочка, а ты мальчик. Мальчик должен учиться работать на земле. Он не может сидеть все время дома. И потом, мы люди небогатые, папа не может все тянуть один на себе без помощника.

Шаоань молчал. Он знал, что отец был прав. Он давно смутно чувствовал, что этот день однажды придет – и теперь он наконец настал.

¹⁴ Имеются в виду *кайданку* – традиционные штаны с разрезом сзади, которые носят маленькие дети, чтобы иметь возможность справлять нужду в любом удобном месте.

¹⁵ Маленькая молельня для поклонения предкам. – *Примеч. ред.*

Так закончились его бедные, но полные бесконечной радости дни. Он начал трудиться, как любой деревенский мальчишка.

Сперва ходил в горы за хворостом с отцом, а потом с ребятами того же возраста. За раз приносили небольшую вязанку, зато каждый день. Шаоань делал, как взрослые: обвязывал охапку соломенной веревкой, чтобы потащить на спине, – выходило очень аккуратно и симпатично. У мамы рука не поднималась пускать на растопку его хворост, и она складывала эти милые маленькие вязанки во дворе. Со временем вышла приличная куча. Забегавшие соседи всегда обращали на нее внимание и говорили шаоаневым родителям: «Ха, ваш-то парень вон какой труженик!» В городе хвалят детей за учебу, а в деревне хвалят за труд. Родители очень гордились Шаоанем, и сам он в душе, возможно, впервые почувствовал, какой почет приносит людям труд.

Проблема была в том, что каждый день, когда он возвращался домой с хворостом, его мучил страшный голод. Дома изо дня в день была только жидкая каша. Он проглатывал несколько мисок каши и с постной физиономией выплывал из дома. Он знал, что даже если начать плакать, ничего не изменится. Кроме того, мама и так всегда добавляла ему половник погуще.

Когда Шаоань выходил во двор, он видел, как Жунье манит его наружу из-за стены.

Он выбегал за ворота, и Жунье вкладывала ему в руку прихваченную из дома кукурузную булку. Жадно откусывая хлеб, он с благодарностью смотрел на своего товарища. Она была в ярком чистом платье. Ее прежде вечно растрепанные волосы теперь лежали двумя черными блестящими косичками.

В шестидесятом году Шаоаню исполнилось восемь. Это было самое трудное время. Их семья часто голодала. Из Шаньси приехал брат отца – Юйтин – и ходил за ним, как привязанный, требуя, чтобы тот нашел ему жену. Отец влез в страшные долги, чтобы устроить эту свадьбу, и даже уступил молодым дом, где все семейство жило до этого. В итоге семье Шаоаня пришлось на время перебраться к семье Цзинь Цзюньхая.

В то время Жунье пошла в школу. Она прибежала на излучину и стала звать Шаоаня с собой. Именно тогда Шаоань понял, что если он продолжит ходить по дрова, ему придется всю жизнь потом работать в горах.

Тогда он начал требовать, чтобы родители отправили его в школу. Жунье приходила поддержать Шаоаня и плакала за компанию. Ни отец, ни мать не могли унять его пыл и в конце концов сдались. Отец сказал:

– Дело не в том, что я не хочу учить тебя. Вон, Юйтина я же отправил в Шаньси. А ты погляди – он все равно вернулся. Нам на роду так написано – не выбиться нам в большие люди. И потом, мы и так еле сводим концы с концами. Ты бы смог мне помогать, если что... Эх, ладно. Но запомни: раз пошел учиться – учись хорошо.

Так и вышло, что Шаоань, радостный и охваченный смутной печалью, поступил в деревенскую начальную школу. Они оказались с Жунье в одном классе и сидели за одной партой.

Все четыре года Шаоань писал контрольные лучше всех в классе – и одевался хуже других. Порой, когда есть было нечего, он приходил в школу голодным. Жунье таскала для него еду из дома. Озорная деревенская ребятня дразнила Жунье его невестой, от чего та жутко сердилась. Ждала, пока одноклассники выйдут из класса после урока, и тайком совала Шаоаню в парту припасенную провизию: пампушки, печенье, лепешки. Он также украдкой доставал ее оттуда и съедал один, тайно, на родовом кладбище Цзиней...

В одиннадцать лет Шаоань был уже в четвертом классе. На школьном дворе играли в «выбери друга»¹⁶.

¹⁶ Популярная китайская детская игра: дети садятся полукругом и начинают петь песню, которую все знают; пять человек выбираются в качестве зазывал, они пропевают один – два куплета, хлопая в ладоши, и подходят к тем, с кем собираются

Он не смел подойти к играющим, потому что сзади на штанах у него начала отдираться заплатка. В дырку проглядывала голая кожа. Он смотрел, как другие играют, прижавшись спиной к стене и боясь пошевелиться. Один из мальчишек, вероятно, понял, что у него порваны штаны. Вместе с приятелями он налетел на Шаоаня, и они потянули его в круг. Все мальчишки тыкали в его голый зад и вопили. Захлебываясь от смеха, они затащили деревенскую детскую песенку: «Бобыль-бобылек, сидел без порток, прилетела зозуля – шелкнула в задок». Девочки, которые уже смущались от такого, бросились врассыпную, заливаясь краской.

Шаоаню было обидно и гадко. После школы он не пошел домой. Он потащился на холм за могилами клана Цзинь, лег на землю лицом вниз и заплакал. Говорили, что холм этот непростой. Шаоань стал вспоминать все рассказы стариков про небожительниц, которые спускались к смертным, и про мужчин, которые умирали с тоски. Их слезы превращались в реки. Слезные реки, бегущие у ног...

Вдруг он услышал, как Жунье тихонько зовет его. Он поспешно поднялся, и лицо его вспыхнуло румянцем. Жунье подошла к нему и сказала:

– Я сбегала домой за иголкой и ниткой. Давай зашью...

– Ты же не умеешь! – вскрикнул Шаоань. Он не хотел, чтобы Жунье зашивала дырку на таком позорном месте.

– Я умею, дай мне попробовать, – сказала Жунье, присев на корточки рядом. Она силой развернула его и начала неумело орудовать иголкой.

Жунье было лет десять, она шила не особенно хорошо. Просто клала стежки, чтобы заплатка прикрыла кожу. Иногда она колола Шаоаня иголкой, и он вскрикивал от боли. Жунье тихонько посмеивалась. Закончив шить, она велела ему встать и пройтись.

Не успел Шаоань сделать несколько шагов, как сзади опять шоркнуло и штаны разъехались.

Жунье зажала рот рукой и затряслась от смеха.

– Ничего, ничего, давай опять зашью, – булькала она.

– Черт с ним, пойду домой, мама зашьет, – ответил Шаоань.

Школьная жизнь оборвалась внезапно, просто закончилась вместе с детством. В шестьдесят четвертом году они вместе с Жунье поступили в среднюю школу в Каменухе. У него были лучшие результаты во всей коммуне. Деревенские как один говорили, что он рожден для учебы. Отец был очень счастлив и отпустил его. Каменуха была совсем недалеко, он мог каждый день возвращаться домой с другими ребятами и есть дома. Траты выходили совсем скромные. Пару лет Шаоань, как потом и Шаопин, а за ним Ланьсян, каждый день вставал затемно и, прихватив с собой что-то перекусить, спешил с другими детьми в Каменуху. Семья Жунье тогда жила уже совсем хорошо, поэтому она столовалась в школе и возвращалась домой только по субботам. Ей не нужно было каждый день мотаться в деревню. Они по-прежнему сидели за одной партой. Шаоань учился хорошо и часто помогал Жунье. На контрольных, если Жунье не могла решить задачу, он тайком показывал ей свой ответ. Если кто-нибудь из мальчишек обижал дочку Тянь Фугана, Шаоань всегда вставал на ее защиту, не боясь пересудов.

Спустя два года Шаоань бросил школу. В Каменухе можно было отучиться только до седьмого класса, потом нужно было ехать в уездный центр. Для простого деревенского парня это было совсем непросто. Если бы он уехал, ему пришлось бы каждый месяц платить за еду и обзавестись карточками, не говоря уже о других расходах. Шаопин как раз пошел в первый класс. Отец больше не мог поддерживать Шаоаня. Ему было уже тринадцать. Ничего не нужно было говорить, он и сам знал, что не сможет поехать в город учиться.

«подружиться», далее пропевают еще один – два куплета, делая зазывающие движения. Выбранные встают, поют один – два куплета, пожимают руки «друзьям». В течение следующих одного – двух куплетов они меняются местами, и игра продолжается уже с новыми зазывалами.

– Я возвращаюсь к работе, пап, – сказал он однажды. – Поучился, будет, и так еле вытянули – на мой век хватит. Даже если останусь работать в деревне, все равно в обиду себя не дам, я теперь грамотный. Вернусь – станем работать вместе, выучим Шаопина и Ланьсян. Если у них хорошо пойдет, мы их не бросим. Да пусть даже за границу захотят – костями ляжем, поможем. Если у них получится, я буду чувствовать, как будто получилось у меня самого. Только разреши мне сдать экзамены, ладно? Хочу показать всем, что я не иду учиться не потому, что я дурень бестолковый!

Отец закрыл голову руками и заплакал. Шаоань впервые видел, как его несгибаемый отец плачет. Он и сам жалел навсегда простаться со школой. Ему было больно. Он знал, как тяжело отцу и как тот не хочет разрушать его будущее.

Так и вышло, что Шаоань поехал сдавать единый государственный экзамен. Среди тысяч кандидатов со всего уезда он занял третье место. Получив уведомление о зачислении, он понял, что всему конец. Жунье опять, как в прошлый раз, прибежала к нему и, рыдая, умоляла поехать в город. Но на сей раз не потребовалось вмешательства родителей. Он сам, как взрослый, объяснил Жунье, почему он больше не может учиться...

Жунье уезжала в город на машине Цзинь Цзюньхая. Шаоань тайком ото всех спрятался у насыпи и наблюдал за ней со слезами. Прощай, друг мой, мой верный товарищ, нас ждут разные пути, но я навсегда запомню то, что было между нами.

Потом Шаоань зажил тихо и мирно, не расставаясь с землей, и принял решение стать самым лучшим землеробом в Двуречье. За проникательность и пугающее упорство его уже в восемнадцать лет члены первой бригады единодушно избрали своим бригадиром. Семья и бригада занимали все его мысли.

Жунье все меньше приезжала в деревню. Но всякий раз – даже позже, став учительницей – она обязательно приходила в гости к семье Сунь и приносила какой-нибудь гостинец для бабушки. Тепло прежней дружбы по-прежнему жило между ними. Каждую встречу они говорили и не могли наговориться. Жунье рассказывала о городе, он – о новостях в деревне. Она всегда слушала его с большим интересом, о чем бы он ни говорил. Но этим все и ограничивалось. Когда Шаоань был ребенком, не только дети, но и многие взрослые смеялись над ними, называя Жунье его невестой. Когда он повзрослел, то понял, что это была только шутка. Скоро деревенские перестали так говорить и даже забыли, что когда-то об этом судачили. Никто не вспоминал о том, что связывало их в детстве. Жизнь такая штука: пока мы малы, разница между нами не столь очевидна. Но стоит вырасти, как пути наши расходятся – порой так далеко, что и вовсе теряются из виду.

...Шаоань остался один под абрикосовым деревом. Он никак не мог взять в толк, что значили слова Жунье. Они не особо общались, а семьи их – и того меньше. Что ей понадобилось? Зачем она просит его приехать в город?

Он подумал, что если дело яйца выеденного не стоит, то незачем мотаться в уезд, к тому же его семья сейчас переживает далеко не лучшие времена, и он все еще не знает, как вылезти из проблем – разве может он бросить все ради какой-то ерунды? Нет, он не поедет. Хотя это может быть Жунье неприятно, он объяснит ей потом, когда они встретятся. Жунье всегда была разумным человеком, она простит.

Когда он пошел прочь от абрикосового дерева, его мысли сразу же вернулись к делам зятя. Повинуясь внезапному порыву, Шаоань отправился на поиски Цзинь Цзюнью. У этого парня голова работала на зависть многим, и Шаоань решил послушать, что тот скажет. Сначала он собирался разузнать побольше у своего дядьки, но тот, верно, был занят на стройке, и вообще – не стоило Шаоаню там появляться. Разговор мог подождать до вечера.

Он вышел из ворот и спустился со склона.

Внезапно Шаоань остановился, и в голове у него пронеслась ослепительная мысль: почему бы мне действительно не поехать в город к Жунье? Ведь у ее отца отличные отношения

с главой коммуны. Если он сам расскажет Тянь Футану о зяте, тот ничего не станет делать. Но если Жунье возьмется за дело, ее отец может склонить председателя Сюя в нужную сторону.

Точно, если он расскажет обо всем Жунье, она выручит его. Может быть, Тянь Футан исхитрится как-нибудь замять дело. Ничего не было, кроме этой крохотной надежды. Что раз-этакое может выдумать этот хитроумный Цзинь Цзюнь? Разве сам он глупее старины Цзиня? Нет, простому человеку не решить такую проблему...

Что же, теперь он не станет бестолково суетиться. Шаоань решил, что должен как можно скорее решить все семейные дела, договориться в бригаде и съездить в ближайшие два дня в город. По всему выходило, что даже если бы Жунье не передала ему весточку, дорога Шаоаня все равно лежала бы через ее дом. А ведь она сама позвала его – отчего бы не съездить?

Он повернул назад и почувствовал, как легко стало на сердце.

Шаоань вошел во двор и увидел Шаопина, который рвал племянникам для игры цветы с абрикосового дерева.

– Жунье точно просила меня приехать к ней в город в ближайшее время? – спросил Шаоань.

Шаопин оглядел брата с ног до головы:

– Ты чего? Именно так и сказала. Поедешь? Нет? Мне бы надо знать, что сказать ей.

Шаоань развернулся и зашагал к дому.

– Поеду, – бросил он.

Глава 7

Тянь Жуньэ в последнее время была сама не своя. Ее тетя, Сюй Айюань, неотступно пыталась познакомить ее с Ли Сянцянем. Отец Ли Сянцяня был зампредела уездного ревкома, и Футан беспокоился, что его семья неровня семейству Ли, хотя такое внимание ему было очень приятно. Тетка Сюй вместе со своим отцом, обдумывая служебную траекторию Тянь Фуцзюня, очень хотели, чтобы это знакомство закончилось браком. Когда Жуньэ поняла это, она внезапно также осознала, что давно любит одного-единственного человека – Сунь Шаоаня. Поэтому, когда Жуньшэн сказал, что Шаопин учится с ним вместе, она и устроила себе встречу с любимым.

Шаоаню было совсем непросто уладить в срок все дела дома и в бригаде. Но он сумел разобраться и уехал в конце концов в город.

За два дня до отъезда Шаоань успел посадить на огороде тыкву и кабачки. Чтобы работало быстрее, он позвал на подмогу мать и сестру. Отец был занят на стройке и не мог отпроситься, а Шаоань не мог пропустить посевную. И тыква, и кабачки были самой важной едой, на которой держалась семья в течение года. На кусочке поливного поля, который он обустроил в дождливые дни, Шаоань посадил немного картошки, помидоров и огурцов. Сами они их не ели – овощи нужны были на продажу, чтобы иметь на руках какую-то наличность.

В бригаде дел было больше. Пошла в рост озимая пшеница, нуждавшаяся в прополке и удобрении. Мочевину и сульфат аммония достаточно было просто рассыпать на поле. Но углеаммиачную соль нужно было вносить глубоко в землю, иначе она не станет работать. Надо было как следует объяснить все тонкости замбригадиру Тянь Фугао, чтобы в отсутствие Шаоаня все делалось с толком, а не абы как. Кроме того, пришла пора спешно высаживать черную сою и скороспелую кукурузу...

Даже когда Шаоань уже сидел в машине отца Цзинь Бо, вызвавшегося подбросить его по дороге обратно, ему все казалось, что он не успел переделать кучу дел...

И вот наконец он оказался на пороге общежития Жуньэ. Это был первый раз, когда он приехал к ней в город. Хотя они были давние знакомцы, Шаоань все равно чувствовал себя скованно.

Жуньэ налила в таз воды, чтобы он умылся с дороги, и положила белоснежное полотенце. Он нерешительно улыбнулся и сказал:

– Пожалуй, не буду.

– Да ладно, умойся, полдня в машине ехал – умыться будет очень приятно, – не терпящим возражений тоном откликнулась девушка.

– Такое белое полотенце – я его тебе все перепачкаю, – возразил Шаоань, подходя к тазику.

– Да ну тебя! Ну, выстираю, подумаешь. Давай лучше я еще воды налью, ты и голову ополоснешь.

– Нет-нет-нет, – быстро сказал Шаоань, склонившись над тазом. Разве можно было отмыть всю вековую грязь в эдакой лохани?

Не успел он закончить, как Жуньэ сказала:

– Пошли поедим в столовой.

– Я уже ел.

– Так то утром было.

Шаоань смущенно улыбнулся. Она знала его слишком хорошо, ничто не ускользало от ее внимания.

Они вместе вышли на улицу. Только тут Шаоань заметил, как изменилась Жуньэ. Она выглядела умудренной опытом. Он заметил, что Жуньэ больше не носит косы – волосы были

аккуратно острижены. От этого она казалось немножко чужой. «Да, время течет незаметно, и все мы меняемся», – подумал Шаоань. Он внезапно ощутил с новой силой, что их детство давно прошло и они оба стали взрослыми. Неизвестно отчего перед глазами его вдруг всплыл тот случай, когда она пришивала ему заплату. Он невольно рассмеялся.

– Ты чего? – спросила идущая в ногу Жунье. Ее бледное лицо вспыхнуло от волнения, и она застенчиво улыбнулась.

– Ничего, ничего, – покраснел он.

Шаоань и Жунье шли рядом, словно брат и сестра, – так же Шаоань водил порой с собой в горы Ланьсян. Он действительно ощущал в ней что-то сестринское. Такое родство очень важно для всех нас, живущих в этом мире. Даже если жизнь полна взлетов и падений, пока есть такое чувство, – есть место и утешению.

Шаоань последовал за Жунье в самую большую государственную столовую в городе. Время обеда давно прошло, в столовой было пусто.

Шаоань бросился к кассе, но Жунье цепко ухватила его за руку и силком усадила за стол:

– Ты у меня, считай, в гостях, разве можно, чтобы ты платил?

Шаоань был немного смущен. Ему казалось, что позволить заплатить за все Жунье – значит уронить свое мужское достоинство. У него были с собой деньги: кроме десяти собственных юаней в кармане лежала и одолженная в бригаде двадцатка. Обед у Жунье совсем не входил в его планы.

– Шаопин рассказывал мне, что за границей мужчина всегда приглашает женщину, – сказал он Жунье.

Жунье рассмеялась, но и не подумала отказаться от своего плана. Она обернулась от кассы и пропела:

– Мы в Китае, у нас здесь равенство полов.

Потом она устала весь стол разными закусками.

– Куда столько! – сказал Шаоань. – Здесь не то что нам двоим – впятером не справиться.

– Да я уже ела, это тебе, – ответила Жунье, опускаясь рядом.

– А... – только и смог выдавить из себя Шаоань.

– Ладно, перестань, ну останется – ничего страшного. Ешь скорее, уже поздно, ты, небось, голодный.

Едва он принялся за еду, как Жунье снова вскочила:

– О, забыла взять выпивки.

Шаоань быстро остановил ее:

– Я не пью, сядь, поешь немного.

Жунье села рядом. Она так и не прикоснулась к палочкам, а просто с нежностью смотрела, как он ест.

Шаоань жевал, низко опустив голову, но чувствовал, что Жунье неотрывно смотрит на него. От этого было неловко. Он распрямился и увидел, что она сидит, слегка склонив голову набок, и щеки ее заливают ярко-алый румянец. Жунье поняла, что что-то не так, и поспешно сказала:

– Сегодня праздновали день рождения тетиного отца, я выпила несколько бокалов. Наверно, кровь бросилась в лицо.

Шаоань поверил и снова склонил голову.

Хотя он ни в чем себе не отказывал, на столе все равно осталась уйма еды. Если бы Шаоань был один, он наверняка сложил бы остатки в сумку и отнес бы в школу к Шаопину или отвез бы домой, чтобы родные поели. Еда была очень хорошая.

Но в тот день он не мог забрать все с собой. Ведь это было купленное Жунье угощение. Даже если бы Шаоань сам заплатил за него, то все равно бросил бы его на столе, как горожанин,

привыкший жить на широкую ногу. В конце концов, он был человек с образованием, нельзя было выставлять на посмешище свою неотесанность.

После еды они вышли на улицу. Он хотел поговорить с Жунье о зяте как можно скорее, но подумал, что ему следует подождать, пока она расскажет сперва о своих делах. Еще успеется.

Дойдя до переулка, который вел к школе, Жунье вдруг предложила:

– Только поели, пойдем погуляем за городом.

Шаоаню было неудобно отказать, но его мучило неприятное чувство неловкости. Ему казалось, что люди начнут думать всякое, увидев их вместе. Потом он сообразил, что никто в городе его не знает, – чего бояться? Они односельчане и вообще старые приятели, ничего страшного.

Они вышли из восточных ворот старой, полуразобранной городской стены, построенной еще при маньчжурах¹⁷, и спустились по склону к речке, которая огибала город.

Едва освободившаяся ото льда река текла мощным, грязно-желтым потоком. Под навесом скал на том берегу, куда не проникал солнечный свет, еще виднелись одетые легкой пылью сосульки. Но наверху, в излучине, персик уже розовел яркими цветами. На берегу из прошлогоднего сухостоя, как смутная надежда, проклевывались нежно-желтые и бледно-зеленые травинки. Между рядами ив в изумрудной дымке у дороги то и дело просверкивал быстрый абрис ласточки, похожий на маленькие ножницы. Откуда-то с гор, трепеща на ветру, прерывистым звоном долетала девичья припевка:

Ох, когда весна придет, —
Лед растает, снег сойдет,
Заблестит рыбешка в речке,
Застучит мое сердечко.
Ты, дружочек дорогой,
Ты, дружочек дорогой,
Ты, дружочек дорогой, —
Ты дождись меня...

Шаоань и Жунье шли след в след по тропинке вдоль реки к верховьям. Яркий весенний свет одевал их тела и согревал души. Они молчали.

– Ты можешь помедленнее? – спросила наконец, вскинув смеющееся лицо, Жунье. – Я за тобой не поспеваю.

Шаоань унял размашистый шаг своих длинных ног:

– Видишь, привык бегать по горам. Не хватает терпения идти медленно.

– Гляди, гляди! – закричала вдруг Жунье, указывая на склон перед ними.

Шаоань остановился и проследил, куда был направлен ее палец, но ничего не заметил.

– Что такое? – спросил он удивленно.

– Ирисы! Глянь, какие синие!

Шаоань решил сперва, что там было что-то особенное. Подумаешь, пара ирисов. Эти дикие цветы он видел в горах каждый день, ничего удивительного.

Жунье уже подбежала к цветам и села с ними рядом, поджидая Шаоаня. Он подошел к ней.

– Давай посидим здесь немного, – сказала Жунье.

---

¹⁷ Один из 56 народов Китая. При империи Цин (1644–1911) маньчжуры занимали привилегированное положение. Во время революции 1911 года произошли антиманьчжурские погромы с большим количеством человеческих жертв. – *Примеч. ред.*

Шаоань сел, скрестив руки на груди, и стал смотреть, как грязно-желтая река спокойно убегает вдаль от подножия холма.

Жунье сорвала цветок и стала теревить его. Она никак не могла собраться с духом и наконец выдавила:

– Шаоань, у меня есть очень срочное дело. Мне нужно обязательно поговорить с тобой, чтобы ты сказал мне, как следует поступить...

Шаоань повернулся, гадая, с какими трудностями столкнулась Жунье. Он с тревогой ждал продолжения. Не стоило труда сообразить, что речь шла о том самом деле, из-за которого он понадобился ей в городе.

Жунье покраснела так, словно ее била лихорадка. Поколебавшись немного, она сказала:

– Тетка подыскала мне партию.

– В смысле? – Шаоань не мог понять, о чем она толкует.

– Ну... сына одного большого начальника. – Жунье неотрывно смотрела на цветок в руках, продолжая его теревить.

Шаоань наконец осознал, к чему она ведет. «Она выходит замуж», – мелькнуло у него в голове. «Выходит замуж?..» – удивился он своим собственным мыслям и сам себе ответил: «Да, это так».

На душе на мгновение стало как-то странно. Он осторожно положил потные руки на покрытые заплатками колени и обхватил их с какой-то подсознательной жалостью.

– Что с тобой?

Шаоань понял, что ведет себя странно. Он разозлился на себя. Надо было по-братски помочь Жунье принять решение. Ведь она специально вызвала его в город, потому что доверяла ему – и только потому рассказала ему все как есть.

Он быстро взял себя в руки и сказал:

– Это хорошо. Наверняка у него все в жизни неплохо – а кем он, кстати, работает?

– Но я не хочу, – подняла голову Жунье. Она посмотрела на Шаоаня с удивлением и разочарованием.

– Не хочешь?

Шаоань не знал, что делать. Ну, не хочешь – и ладно, какие тут могут быть сложности?

– Тебе нужно просто решить для себя самой... – прошептал Шаоань.

– Но я хочу знать: что бы ты сделал? – упрямо спросила Жунье.

Шаоань не мог понять, что происходит. Он достал обрывок бумаги, вытащил из кармана щепотку табака, быстро скатал самокрутку и сделал несколько затяжек:

– Ну, не хочешь – и бог с ним, разве нет?

– Они всё ходят за мной, а я... – Жунье страдальчески потупилась.

– Ходят... – Шаоань не мог взять в толк, почему, если девушка не согласна, мужчина продолжает настаивать. Неужели люди в городе совсем толстокожие?

– Какой же ты дубина, – пробормотала Жунье, не поднимая головы.

Шаоань почувствовал себя виноватым. Жунье так нуждалась в его помощи, но он оказался совершенно бесполезен. Что же делать? Может, сходить проучить этого пристава? Но ведь он сын большого начальника. И потом, с чего Шаоаню марать об него руки? Если кто-нибудь посмеет так доставать в будущем Ланьсян, он точно изобьет его до полусмерти!

Он заметил, что Жунье по-прежнему сидит, скорбно склонив голову. Шаоань не знал, как ее утешить.

– В детстве, если бы кто-нибудь взялся обижать тебя, он бы сразу хватил моего кулака, – выпалил Шаоань. – Ты, наверно, не помнишь, как в Каменухе один парень специально запустил в тебя баскетбольным мячом, а я разбил ему нос до крови... Раньше... если тебе нужен был цветок лилии с высокого склона или плошка ягод, – я всегда первым бросался на помощь и никогда не подводил тебя... Но сейчас... это...

Жунье закрыла лицо руками и заплакала. Шаоань запаниковал. Он отшвырнул недокурную самокрутку и быстро скатал еще одну. Наконец Жунье вытерла слезы платком и замолчала. Слова Шаоаня вновь напомнили ей об их прошлом, которое она никак не могла оставить. Она не знала, как побороть стеснительность и раскрыть свое сердце Шаоаню. В романах влюбленные девушки как на духу выкладывали все, что хотели, и делали это так естественно. Но сейчас, наедине с любимым, язык не поворачивался сказать самые важные слова. Жунье злилась на его безучастность. Отчего он вел себя как дурак? С другой стороны, разве она могла винить его? Ведь она просто рассказала ему о чужих ухаживаниях и ни словом не обмолвилась о велениях своего сердца.

Пора было перестать говорить с Шаоанем загадками. Но она не могла набраться смелости сказать все прямо.

– Как дела у семьи? – как бы между делом спросила Жунье.

Шаоань почувствовал облегчение.

– Все хорошо, только... – он подумал, что настал момент рассказать ей о своей проблеме, – с зятем вот беда...

– Что случилось? – она вскинула озабоченное лицо.

– Продал пару пакетов с крысиным ядом – коммуна отправила его на трудовое перевоспитание в нашей деревне. И отец еще мой до кучи... Домашние все как на иголках. Не знаю, что делать...

– Вот чепуха, глупость какая, простого труженика никто за человека не держит, как так можно... Давай попрошу дядю написать в коммуны дядьке Баю и старому Сюю, а завтра поедем вместе к ним в Каменуху!

Жунье разволновалась. Она считала проблемы Шаоаня своими. Ее обрадовал подвернувшийся неожиданно повод провести вместе больше времени и поехать на одной машине в Каменуху.

Шаоань на это и рассчитывал. Правда, он не хотел осложнять жизнь Жунье и просить ее лично ехать в деревню. Дядьки-начальника вполне хватит.

– Тебе нет нужды ехать, – сказал он. – Хватит и того, что твой дядя замолвит за меня словечко. Я сам поговорю с дядькой Баем и старым Сюем.

– У меня все равно завтра нет занятий. Вполне можно вернуться в город к вечеру и провести день в Каменухе... Может, сразу пойдем к дяде?

Услышав историю про зятя, Жунье подумала, что Шаоань сейчас наверняка сам не свой, не нужно заговаривать с ним опять про ее «дело». «Будет еще время», – сказала она себе.

Шаоань увидел, как близко к сердцу принимает Жунье его проблему, и был очень тронут. Он сразу почувствовал себя намного легче и мгновенно встал на ноги. Только сейчас он заметил, что ирисы действительно невероятно красивые, сверкающе-синие, словно россыпь сапфировых искр. Он сорвал несколько цветков и вложил их в руку Жунье:

– Поставь дома в вазу – они продержатся еще пару дней...

Девушка благодарно взяла цветы и повела Шаоаня в город. Они не пошли домой, а отправились сразу в контору. Жунье сказала, что дядя должен быть еще на работе, и оказалась права. Раскрылась дверь, и он энергично вскочил из-за стола позвать Шаоаню руку. Тянь Фуцзюнь узнал Шаоаня: он встречал его, когда приезжал в деревню, и всегда спрашивал, как дела в бригаде. Председатель Тянь прекрасно помнил, что Шаоань не кто иной, как глава первой бригады.

Председатель налил ему чашку чая, протянул сигарету и щелкнул зажигалкой. У Шаоаня слегка дрожали руки, и он не сразу сумел прикурить.

– Хороший ты парень! Славные дети у Юй Хоушэн. – Тянь повернулся и спросил Жунье: – Это же шаоанев брат заходил к нам недавно?

– Да, – отозвалась Жунье, – это был Шаопин.

– А, Шаопин! И имена хорошие Хоушэн ребяткам подобрала.

Все улыбнулись.

– Правда, сейчас у них не так уж все хорошо, – сказала Жунье.

– А что случилось? – прищурился Тянь Фуцзюнь.

Шаоань рассказал председателю о своем зяте.

Тянь Фуцзюнь сидел в кресле и молчал. Он закурил и сделал несколько глотков.

– Все с ума посходили... – проворчал он себе под нос. – И сколько в Каменухе так народу перевоспитывается?

– Чуть больше десяти человек. Точно не знаю. Я слышал, что почти из каждой деревни есть люди.

– Да... это просто... – забурчал Тянь.

Жунье перебила его:

– Дядь, можешь написать письмо дядьке Баю и старому Сюю, чтобы они отпустили этого Ван Маньиня?

Тянь Фуцзюнь задумался, вытащил лист бумаги, написал распоряжение, встал и отдал его Шаоаню:

– Отдай Бай Минчуаню. Знаешь его?

– Знаю, – отозвался Шаоань.

Потом Тянь Фуцзюнь стал расспрашивать о Двуречье, и Шаоань рассказал ему много нового.

– Теперь деревенские даже еды вдоволь не получают. Что делать-то, Шаоань? – неожиданно спросил Тянь Фуцзюнь.

– Пусть себе начальство делает что хочет, – честно сказал Сунь Шаоань, – только не надо лезть в наши крестьянские дела. Будем сами хлеб растить – и никаких проблем не будет. Крестьянин, он всю жизнь при земле. А то такое впечатление, что пахать разучились: всякий плугавец норовит тебя ткнуть носом – здесь не так, это не то. Все зарегулировали, связали нас по рукам и ногам. Про другое даже говорить не буду, но вот то, что не надо нам тут указания раздавать, – это точно...

– Да, парень, ты себя не на дороге нашел... Ну, ладно, найдем время – поговорим как следует. Будешь в городе – заглядывай. Сейчас у нас тут совещание, времени в обрез...

На обратном пути в школу Жунье с восхищением сказала своему спутнику:

– Мой дядька твои слова мимо ушей не пропустит. Вот ты красавец! Оставь распоряжение у меня – а завтра поедем вместе в Каменуху. Я хорошо знаю Бай Минчуаня и Сюй Чжигуна, лучше будет, если я сама отдам им бумагу.

Видя ее настойчивость, Шаоань отдал документ – ее вклад в его получение был, конечно, весомей.

Вечером Жунье устроила его в школьном общежитии, аккуратно застелив постель. Шаоань смущенно сказал:

– Боюсь, я испачкаю...

– Нет, вы только посмотрите на него! – вскрикнула, заливаясь краской, Жунье. Она была так счастлива, что Шаоань останется ночевать у нее в комнате. Сама она, конечно, уйдет ночевать к дяде Фуцзюню с теткой Сюй, но будет возвращаться к этим воспоминаниям, воображая, что чувствует родное дыхание любимого...

На следующее утро после завтрака они сели на автобус и поехали в Каменуху. Билеты купила Жунье. Шаоань пытался сделать это сам, но Жунье просто отгеснила его от кассы.

В машине они сели рядом, и оба испытывали радостное возбуждение (каждый, правда, радовался своему), так что даже не заметили, как пролетел целый час.

Вышли у Каменухи.

– Если ты пойдешь в коммуну, я тогда не пойду. Может статься, там твой отец, выйдет нехорошо... Я домой. Ты вечером окажешься в Двуречье? – спросил Шаоань.

– Я бы хотела, но завтра у меня уже уроки. Мне нужно возвращаться сегодня в город, я не смогу поехать в деревню. Когда дело будет сделано, я попрошу Бай Минчуаня подбросить меня до города. Будь спокоен, я справлюсь.

Договорив, Жунье вытащила из кармана конверт и сунула его руку Шаоаню.

– Зачем ты отдаешь мне распоряжение? – спросил он. – Ты что, не собираешься идти с ним к председателю Баю?

Не успел он закончить говорить, как Жунье улыбнулась и побежала прочь. Шаоань быстро посмотрел на конверт и понял, что это не распоряжение. Он недоуменно вытащил из конверта записку и увидел только два предложения:

Шаоань остался стоять на дороге как громом пораженный.

Он повернул голову и увидел, что Жунье уже прошла по улице и исчезла за отделом снабжения и сбыта. Она отправилась отдавать распоряжение Тянь Фуцзюня о судьбе невезучего Маньиня председателю, а затем нужно было возвращаться в город.

На холмах, поднимавшихся вверх от Каменухи, было пусто. В небе над ними тянулся с юга клин диких гусей. Они летели на север с радостными криками.

Глава 8

Шаопин с трудом одолел первую половину учебного года. И вот началась вторая – а жизнь его и не думала меняться. Большую часть времени он так же грыз свой черный хлеб и по-прежнему не мог порадовать себя даже скудной прибавкой категории «В». Стоило начаться учебе, как Шаопин засомневался, что сможет выдержать два года. Он думал поучиться хотя бы две четверти, а потом вернуться в деревню и, может, стать бухгалтером в бригаде или еще чего. Это было вполне нормально – и не было нужды тянуть из себя все жилы.

Но вот началась новая четверть – и Шаопин опять оказался за партой. Ему не хотелось бросать все на полпути. Была и другая причина, о которой нельзя было никому сказать. Причиной этой была Хао Хунмэй.

За последние шесть месяцев они стали друг другу совсем не чужие – общались и не чувствовали стеснения: обменивались книгами, уловив момент, болтали по душам. Не только Сунь Шаопин и Хао Хунмэй, но и другие их ровесники уже вышли из того возраста, когда противоположный пол «совершенно не интересует», – теперь они надеялись привлечь чужое внимание и, быть может, даже «подружиться». Пожалуй, это была еще не совсем любовь. Впрочем, молодых людей их возраста пугало любое преждевременное сближение – казалось, что оно, несомненно, отразится на учебе и здоровье.

Школы в те годы не имели упорядоченную систему. Сама учеба в них стала необязательной: ученики целыми днями занимались какими-то непонятными мероприятиями, шумели и бузили на школьном дворе. Нагрузки не было никакой. Через два года такой веселой жизни все они должны были разъехаться по домам. Кто из них, семнадцати – восемнадцатилетних, мог провидеть, что ждет их в будущем? Даже старые революционеры, повидавшие на своем веку немало кампаний, не понимали, что ждет их в будущем. А большинство просто думало, как свести концы с концами.

Хотя Шаопин частенько голодал и ходил в обносках, хотя он и чувствовал себя порой хуже других, но существование верной подруги придавало его жизни вкус и смысл.

Постепенно он стал больше активничать в классе и прославился на все общежитие как прекрасный рассказчик. Шаопин не боялся больше высказывать собственное мнение и всегда бывал красноречив и убедителен. Если его не мучил голод, он ходил на баскетбольную площадку или играл в настольный теннис – даже взял первое место на школьном чемпионате по теннису, и школа наградила его «Избранными произведениями Мао Цзэдуна» и почетной грамотой. Шаопин был так счастлив, что несколько дней не мог успокоиться.

Из-за этого он постепенно стал видной фигурой в классе. В прошлом полугодии Шаопина выбрали «начальником трудовых резервов». Сначала он очень бесился от этого и считал чистой издевкой. А потом подумал, что теперь, при «открытом образовании» вне класса, дел у такого начальника будет невпроворот, и с радостью взял на себя эту ответственность.

Его новая должность только звучала ужасно, но власти давала много. Полдня весь класс проводил на работах, и главным тогда становился не кто иной, как Сунь Шаопин. Он назначал всем задания и распределял работу, приносил из школы инвентарь и раздавал его. Самый лучший инструмент Шаопин всегда оставлял для Хунмэй. Сперва никто не замечал этого, но вскоре секрет Шаопина раскрыла хромоножка Хоу Юйин.

В тот день они расчищали поля на террасах. Когда Шаопин раздал мотыги, Юйин надула губки и отшвырнула железку:

– Зачем мне такая плешивая!

Шаопин посмотрел на нее, взбеленившуюся на глазах у всех, и сказал довольно грубо:

– Все одинаковые. Если тебе не нравится, приходи со своей.

– Да ладно, все одинаковые! Просто ты лучшие отдаешь своим любимчикам.

– Это кому же, интересно?

– Крале своей, – закричала Юйин.

Весь класс заржал. Некоторые повернули головы, чтобы посмотреть на Хао Хунмэй. Та уронила мотыгу, закрыла лицо руками и зарыдала. Затем, вся в слезах, побежала в общежитие.

Юйин, прихрамывая, вышла в центр образовавшегося круга, высоко вскинув голову. Она наслаждалась своей победой.

– На воре и шапка горит, – зло сказала она.

Унижение было страшное. Шаопин чувствовал, как гудит голова. Он схватил мотыгу и в порыве злости кинулся к Юйин, но его оттащили Цзинь Бо и Жунышэн. Главные озорники класса ничего не боялись и заржали еще сильнее. Только когда пришел учитель, все утихомирились...

С тех пор «отношения» Шаопина с Хунмэй превратились в «секрет на весь свет». Они больше не решались часто общаться. Обоим было неловко, и оба стали делать вид, что не замечают друг друга в общественных местах. Они были в том возрасте, когда каждому легко было неосознанно винить другого, что тот создал всю эту дурацкую ситуацию. Где-то в глубине души даже таилась обида.

Хромоножка достигла своей цели и чувствовала, что у нее есть все шансы стать новым героем класса. Она стала говорить нарочито громко и смеялась так, словно смех ее предназначался Шаопину, Хунмэй и им подобным.

Шаопин снова впал в уныние. До Хунмэй его заботил только собственный желудок – теперь же у него появился новый повод для переживаний, который был много хуже. Отправляясь за своей пайкой, он больше не замечал прелестный силуэт девушки. Хунмэй теперь не стала бы смотреть на него своими грустными прекрасными глазами, даже если бы они с ней столкнулись лицом к лицу. Как билось раньше от этого взгляда сердце! Теперь Шаопин просто убивал время, ожидая начала каникул...

Лишь за неделю до конца учебы он вспомнил, что несколько месяцев назад Хунмэй одолжила у него «Начало»¹⁸, но так и не вернула книгу. Он взял «Начало» в уездном доме культуры – теперь, если не успеть забрать его, получится, что Шаопин уже не сумеет вернуть книгу на место. Юноша не хотел идти к Хунмэй. Он сердился на нее, но не мог сказать об этом прямо. Пусть она с ним не разговаривает, но разве это повод зажимать его книгу?

В последнюю субботу книга все еще была на руках у девушки, но Шаопин так и не смог набраться смелости спросить ее. Одолжив у Цзинь Бо велосипед, он поехал домой, прихватив свою залатанную постель. Во вторник должны были начаться каникулы, и Шаопин рассчитывал провести оставшиеся дни в комнате у Цзинь Бо, чтобы не везти белье в последний момент.

В воскресенье утром он пошел рубить дрова, и его драные желтые кеды окончательно приказали долго жить. Шаопину пришлось натянуть ботинки брата. Они были ничуть не лучше. Увидев его прохудившиеся носки, отец сказал, что по осени, когда будут выдавать шерсть, можно будет надставить пятки. Так-то носки новые, жалко их выбрасывать – если подвязать маленько, можно будет носить еще пару лет. Пара новых стоит больше двух юаней – не какой-то пустяк.

В воскресенье после обеда он прихватил из дома шесть паровых лепешек из картошки и гаоляна, завернул их в ветхую тряпку, уложил кулек на заднем сиденье велосипеда и поспешил в город, чтобы успеть вернуться до темноты.

В школе перед каникулами стояла страшная суета. Народ сновал туда-сюда, таскал вещи, было шумно, сумбурно, бестолково.

---

¹⁸ Роман-эпопея Лю Цина (1916–1978), который публиковался в журнале «Яньхэ» начиная с 1959 года (первый том вышел отдельной книгой в 1960, а второй – в 1979 году). В нем описывается история китайской деревни в период между 1929 и 1953 годами.

У самых ворот Шаопин встретил Цзинь Бо. Тот сказал, что собирается в магазин, и забрал велосипед.

Шаопин пошел к себе в комнату.

Вдруг он заметил, что впереди шагает Хунмэй. Казалось, она не замечает его. Шаопину захотелось окликнуть ее и спросить про книгу. Но тут Хунмэй наклонилась, положила что-то на землю у дороги и, не оборачиваясь, скрылась за углом женского корпуса.

Шаопин удивился. Его взгляд скользнул по тому месту, над которым наклонилась Хунмэй, глаза блеснули – это была его книга. Значит, она все время помнила о ней – так почему было не отдать самой, зачем было изобретать такой странный способ?..

Он поднял книгу и почувствовал, как что-то выпало из нее в темноту. Шаопин принялся шарить руками по земле. Он нащупал что-то мягкое и поднес к глазам. Это была белоснежная пшеничная лепешка.

Пораженный, Шаопин подобрал хлеб с земли и сдул с него прилипшую грязь. Прижимая к себе лепешки, он стоял во двореке. Ему казалось, что он вновь обрел утраченные навеки тепло и дружбу.

...Так и вышло, что Шаопин опять полюбил школу. Как только наступил день подачи заявок на следующее полугодие, он бросился в приемную комиссию и не мог дождаться долгожданного момента...

Глава 9

С начала учебы прошло больше двух недель, но Шаопину все не удавалось поговорить с Хунмэй с глазу на глаз.

Он заметил, что Хунмэй стала ходить в красной клетчатой блузке – таких раньше у нее не водилось. Она изменилась до неузнаваемости. То ли на домашней еде, то ли еще каким чудом ее худенькие щечки заметно округлились. Стриженные в кружок волосы за полгода сильно отросли и теперь лежали по плечам двумя аккуратными косичками, совсем как у городских. Щеголяя безупречно сшитыми тряпичными туфельками и новенькими голубыми брюками, она шла по двору изменившейся походкой. На самом деле поменялась только одежда – пропали заплатки, исчезли дырки, но от неприметной серой мышки было теперь глаз не отвести. Правда, Хунмэй лицом и фигурой всегда была красавица. Стоило ее приодеть – и в ней трудно было заподозрить деревенскую простушку.

Когда Шаопин увидел ее, сердце обожгло горячей волной. Ему было трудно дышать.

Сам он был одет по-старому. Хотя мать Цзинь Бо и сшила ему костюм по форменному образцу, ткань была самопальная, грубая – ничто не могло скрыть ее кустарность. За летние каникулы Шаопин, рубивший дрова на всю семью, весь перемазался травой и смолой. Он пытался отстирать пятна и даже извел на это полбанки домашних запасов соды, но ничего не вышло. Он с болью смотрел на свою одежду и мучительно хотел сорвать ее, отшвырнуть куда подальше. Шаопин горько усмехнулся: без этого костюма он бы ходил в чем мать родила. Больше всего он краснел оттого, что не мог позволить себе трусы. Ночью все оставались в одних трусах, а он – совершенно голым...

Но было у Шаопина и отрадное утешение. При всем его убожестве, быть может, самая красивая девушка в классе была по-прежнему с ним. Пусть Хоу Юйин катится ко всем чертям. Он не станет даже глядеть в ее сторону – и дело тут вовсе не в ее ноге: даже если бы Хунмэй была хромой, он бы все равно был с ней.

Незаметно пробежало полгода, но Шаопин так и не смог поговорить с Хунмэй. Не сказать, что не было возможности, нет, на самом деле они встречались много раз, но девушка всегда, неясно отчего, избегала разговора, – как и до каникул. Порой казалось, что она прячется специально.

Шаопин никак не мог понять почему. Ничего не приходило ему на ум.

Однако он не стал сразу переживать, как раньше. Для себя он решил, что у Хунмэй, наверное, дома не все ладно, – вот она и не хочет говорить с ним.

Но Хунмэй не выглядела обеспокоенной – напротив, она была куда жизнерадостнее, чем в прошлом полугодии. Теперь каждый день после обеда на баскетбольной площадке, где играли вместе мальчишки и девчонки, был слышен ее веселый смех.

Однажды, заметив ее в очередной раз на площадке, Шаопин отправился туда, чтобы попробовать поговорить. Играли не команда против команды – так, бросали мячик, пытались попасть в кольцо. На площадке собралось довольно много народа. Стояли полукругом; попав в кольцо, счастливец передавал мяч другому. Никто не нарушал порядка – все соблюдали правила.

Хунмэй бросила мяч в корзину и, поймав его, собиралась уже передать ход следующему. – Дай-ка мне, – пробасил Шаопин из-за спины.

Хунмэй не могла не услышать его, но она сделала вид, что ничего не происходит, даже головы не повернула. Вместо этого она бросила мяч старосте Гу Янминю, который стоял с другой стороны.

Шаопин уже протянул было руку, но потом смущенно отдернул. Он почувствовал, как кровь бросается в лицо, а глаза застилает серая дымка. Он ничего не видел. Юноша собирался

развернуться и уйти, но тут Цзинь Бо сделал ему пас – он едва поймал мяч, ватными руками вернул его Цзинь Бо, развернулся и зашагал прочь с площадки.

Безо всякой цели Шаопин побрел за ворота, ошеломленный и опустошенный, вышел на улицу и сам не заметил, как оказался на речке...

В сгущающихся сумерках он стоял у реки, оступело уставившись на воду, которая, казалось, остановила свое течение, и чувствовал только страшную пустоту. Все, даже боль внутри, оказалось размыто и скомкано так же, как неясное желание оказаться здесь, на берегу.

Медленно придя в себя, Шаопин понял, почему Хунмэй не обращала на него внимания – оказывается, она сошлась со старостой...

Когда же это случилось? На каникулы Хунмэй уезжала в деревню, а староста Гу жил в городе, не может быть, чтобы это произошло летом... Неужели они спелись за эти пару недель, что успели пробежать с начала учебы?.. У Шаопина не было и не могло быть других предположений.

И он был совершенно прав: именно за эти несколько недель Хунмэй начала общаться с Янминем.

Хунмэй с детства росла в страхе и тревоге. Когда она была маленькой, ее дед был еще жив. Все знали, что он из «бывших», и в деревне на них смотрели косо. Когда Хунмэй пошла во второй класс, началась «культурная революция». Бедняки и середняки перековались в цзаофаней¹⁹. С красными флагами в руках ночью они появились на пороге дома семьи Хао, вооруженные мотыгами, и в одночасье превратили его в груды обломков. Они пытались найти золото, серебро и бумаги на землю, которые зарыл старик. Откопали, правда, только пустой глиняный кувшин, который зарыли в свое время, чтобы умиловить духа земли. Но дом был в ужасающем состоянии. Семья Хао ютилась в сарае, в котором раньше кормили скотину. Дед умер в том же году. Но ярлык «бывшего» никуда не делся, а достался отцу Хунмэй и ей самой как главное дедово наследство. Они сами были, считай, «бывшие».

Под этим тяжелым бременем косых, презрительных взглядов Хунмэй еле-еле доползла до старшей школы. Именно поэтому она очень хорошо училась и была сама вежливость и обходительность. Когда комбед составлял списки на поступление в среднюю и старшую школу, никому и в голову не пришло вычеркнуть ее кандидатуру. Семья Хунмэй жила крайне бедно. Единственным отблеском ее бывшего достатка было колченогое резное кресло красного дерева. Вся семья жила только трудами старшего Хао. В неурожайный год им не доставалось государственной помощи ни зерном, ни деньгами. Жили впроголодь. Многие годы семья возлагала все свои надежды на Хунмэй. Все ждали, что она сможет привнести свет в их унылую жизнь. Поэтому, родители, стиснув зубы, отдавали последнее, чтобы она могла ходить в школу...

Хунмэй уже в детстве поняла, какая миссия на нее возложена. Суровая жизнь заставила ее рано повзрослеть. Простушкой она казалась лишь внешне.

Благодаря жизненному опыту Хунмэй никак нельзя было назвать неопытной во многих сложных материях – включая любовь и брак. В ее общении с Шаопином не было ни намека на подобные вещи. Она давно решила для себя, что с таким социальным происхождением и достатком ей просто нужно найти хорошего человека, найти мужчину с деньгами, чтобы изменить судьбу семьи. Родители связывали с ней свои надежды, но она понимала, что девушка ее происхождения могла доучиться только до аттестата старшей школы, и после окончания учебы ей все равно придется вернуться в деревню. С такой графой «социальное происхождение» университет ей не светил. Поэтому Хунмэй оставалось только найти хорошего жениха.

---

¹⁹ *Цзаофани* (букв. «бунтари») – обычно участники рабочих организаций, созданных в ходе «культурной революции» в 1966–1968 гг. Как правило, являлись низкоквалифицированными рабочими, временными рабочими и служащими в возрасте до 30 лет.

Это был единственный способ хоть чего-то добиться. Как могла она отдать свою судьбу в руки такому же бедняку, как она сама?

Ее сближение с Шаопином было просто проявлением жалости и сочувствия. Она жалела его – и ей хотелось, чтобы ее пожалели.

Она не смотрела на него свысока, вовсе нет. В Шаопине было что-то необычное. Хунмэй не могла выразить это словами. И потом, хотя он и не был красив, но выглядел особенным: высокий, крепкий, остроносый, с упрямым мужским лицом и темными глубокими глазами. Если бы он был из функционеров, даже из деревенских, из людей с деньгами, если бы у него были родственники-партийцы, например, как у Жуньшэна, – быть может, сердце бы ее и дрогнуло. Но Шаопин был гол как сокол. До нее доходили слухи, что семейство Сунь крестьянствует и живет скопом в одной расселине...

Сходство их судеб наполняло душу Хунмэй теплом и симпатией. В мире, где ей не доставалось обыкновенно ни любви, ни дружбы, Шаопин был дорог и важен. Только когда Юйин стала издеваться над ней при всех, Хунмэй почувствовала тревогу, злость и досаду. Она пошла в старшую школу еще и для того, чтобы, быть может, подыскать себе за два года подходящую партию. Когда Юйин устроила весь этот скандал, во всех пересудах ее имя оказалось связанным с именем Шаопина. Она чувствовала себя игрушкой в чужих руках, жутко ненавидела Юйин и обижалась на юношу. Кто заставлял этого любвеобильного дурня выдавать ей всякий раз лучшую мотыгу?

Поэтому она постепенно стала отдаляться от Шаопина. Ей хотелось, чтобы все увидели, что она не его «кряля».

Прошло несколько месяцев. Когда до каникул оставалась всего пара дней, Хунмэй вдруг обнаружила под своим ветхим коробом книгу, которую она одолжила когда-то у Шаопина. Она почувствовала себя страшно виноватой. Ведь она несколько месяцев избегала его и все это время держала книгу у себя. Она прекрасно знала, что книга на самом деле не шаопинова, а из дома культуры. Шаопину наверняка не терпится вернуть ее сейчас, до начала каникул. Шаопин, дурачина, почему же ты боишься спросить? Потом Хунмэй подумала, что должна винить себя – ей следовало давно вернуть этот несчастный томик.

В последнее воскресенье перед каникулами Хунмэй поспешила в мужское общежитие, чтобы вернуть книгу, но Шаопина на месте не оказалось. Цзинь Бо сказал ей, что тот поехал домой. Хунмэй пришлось вернуться ни с чем.

У себя в комнате, собирая вещи, Хунмэй нащупала в мешке несколько белых лепешек. Когда она приезжала на воскресенье домой во время сбора урожая, то часто ходила в горы собирать колосья. Из собранного мать намолотила пшеничной муки и испекла ей хлеба. Она съела пару штук, но оставшихся было жалко, и все это время они пролежали в мешке. Ей вдруг захотелось отдать этот хлеб вместе с книгой Шаопину, чтобы загладить как-то свою вину.

Так и вышло, что она вложила хлеб в книгу и в сгущающихся сумерках стала ждать возвращения Сунь Шаопина. Увидев, как тот вошел во двор, Хунмэй почувствовала, что ей не хватает смелости передать книгу и хлеб ему в руки. Тогда она и придумала ход, который можно придумать только в их возрасте...

Жизнь Хунмэй тоже ничуть не изменилась с началом нового полугодия. Правда, она достала летнюю незаплатанную одежду, в которой выглядела не такой убогой, как в зимней. Именно из-за этого Хунмэй стала подумывать о том, чтобы привести в порядок свои волосы. Сменив прическу, она почувствовала себя опрятной и полной энергии. Раньше она стеснялась появляться в общественных местах, но теперь стала смелее. Когда играли в баскетбол, она шла на площадку со всеми. Сама не играла, просто стояла в сторонке и смотрела.

Однажды, когда она, как обычно, переминалась с ноги на ногу на краю баскетбольной площадки и глядела, как играют другие, староста Гу вдруг бросил ей мяч и очень ласково сказал:

– Чего ты все время стоишь и смотришь? Поиграй с нами!

Она неуклюже поймала мяч, брошенный Янмином, покраснела и перебросила его другим одноклассникам. Девочки потянули ее за руки, и она робко и взволнованно последовала за ними.

С тех пор она почти каждый день ходила туда и спустя немного времени стала одной из самых сильных баскетболисток школы.

Со временем Янминь все сильнее стал проникаться чувством к Хунмэй. Во время игры он временами едва заметно улыбался ей – вольно или невольно – и часто пасовал. Во время классных мероприятий староста Гу специально старался сделать так, чтобы они оказались в одной группе и, улучив момент, с удовольствием болтал с ней...

Душа Хунмэй внезапно озарилась солнечным светом. Она всегда мечтала о ком-то вроде Янминя. Отец его был замдиректора в педагогическом училище, а мать – инженером местной строительной конторы. Его дед был известным на весь уезд доктором традиционной китайской медицины. Янминь рос в семье деда. Он ходил в школу в уезде, всегда хорошо учился, и его неизменно выбирали старостой класса. Хотя он был всего на год старше Хунмэй, но вел себя как учитель. И вот теперь парень, о котором мечтательно говорили все девочки класса, так проникся к ней, что она чувствовала себя польщенной неожиданной честью.

Шаопин поблек на фоне выдающегося во всех отношениях старосты. Хунмэй стала придумывать способы сблизиться с ним – болтать, играть в баскетбол и, в конце концов, заставить полюбить ее. Шаопин навевал скуку. Она делала все возможное, чтобы не говорить с ним.

Хунмэй прекрасно знала, что Шаопин ищет возможности пообщаться, но избегала его. Самое досадное было то, что сегодня днем, пока она весело играла в баскетбол с Янмином и другими ребятами, этот простак решил попросить у нее мячик. Она специально бросила мяч не ему, а Янминю. Хунмэй хотела, чтобы он понял, что теперь она с другим...

Глава 10

Шаопин стоял в полумраке на берегу реки. Мысли толкались в голове безо всякого порядка. Он понял, что больше Хунмэй никогда не будет близка ему. Самая важная опора его духа была сломлена, и он чувствовал невыразимую боль. Шаопин глядел на далекие смутные силуэты гор и безумно хотел кричать – он не знал, что его глаза уже наполнились слезами.

За спиной уездный город уже заливало вечерним светом. Семьи собирались за ужином, и никто не подозревал, что где-то за городом, на растворяющейся в темноте реке, стоит отчаявшийся деревенский паренек, что у него перехватывает горло, что чувства захлестывают его, как безумца Гамлета...

Простим его. Лет в восемнадцать все мы прошли через такое – все мы жили на вулкане, где каждый поворот чувств сочится бушующими потоками лавы, рискуя в любой момент вспыхнуть.

Шаопин стоял у реки. Хотя он пропустил ужин, но совсем не чувствовал голода. Он вдруг представил себе: однажды, когда он станет кем-то – профессором, писателем, инженером – большим человеком в приличной одежде, в очках, в черных кожаных ботинках, то приедет в этот городок из большого мира, и люди будут здороваться с уважением, с трепетом – и вот тогда он увидит в толпе Янминя с Хунмэй...

Наваждение пропало. Он заметил, как к нему движется темная тень и узнал Цзинь Бо. Тот протянул ему четыре жареных лепешки и сказал:

– Ты не пришел на ужин, и я съел твою порцию. Вот купил тебе зато на улице...

Шаопин не ответил. Он взял лепешки, сел на камень и начал есть. Цзинь Бо тоже молча сел рядом с ним. Через некоторое время он стиснул зубы и прошептал:

– Врезать бы этому Гу!

Цзинь Бо понял, что Янминь отбил девушку у друга. Душа его полыхала праведным гневом. Он готов был сражаться за Шаопина.

– Если побить его, нас, чего доброго, выгонят из школы, – ответил тот.

– Да тебе не надо ничего делать – я сам справлюсь.

Шаопин немного подумал и сказал:

– Не надо. Если вдруг чего, нас дома убьют.

– Мы сами теперь взрослые, сам заварил – сам расхлебываешь. Ты не лезь, я знаю, что с этим делать.

– Не смей, слышишь. Нет у нас никаких оснований. Если просто так колотить безо всякого повода, как потом оправдаться?

– Повод состряпаем.

– Даже не думай об этом!

Хотя Шаопин с Цзинь Бо были ровесники, и сердце его еще горело от гнева, он был куда спокойнее.

Цзинь Бо замолчал. Когда Шаопин доел лепешки, они вместе вернулись в школу. Шаопин и подумать не мог, что его товарищ не послушается и начнет активно планировать избиение старосты.

Цзинь Бо очень любил порассуждать о братской верности и дружеской солидарности. Даже главные задиры класса слушали его. Он договорился с группой парней побить Янминя, но обставить все так, чтобы в школе их никто не вычислил. Цзинь Бо хранил все в строгом секрете от друга. Предполагалось, что бить будут тоже в его отсутствие.

Только на следующий день Шаопин узнал о планах Цзинь Бо. Он запаниковал – бросился искать друга и стал убеждать его, что так нельзя. Тот велел ему не лезть и сказал, что сделает все так, что комар носу не подточит:

– Пускай идет себе жаловаться – ему ничего не доказать. Он один, а нас семеро. Мы сильнее.

Но Шаопин не склонен был думать, что все так просто. Староста Гу не из тех, кто станет сидеть сложа руки, – он наверняка доложит обо всем в школе. Если правда выплывет наружу, для Цзинь Бо это может закончиться исключением. Правда, и слишком ругать Цзинь Бо он не решился, потому что тот затеял все исключительно ради него.

«Если Янминь донесет учителю, – думал Шаопин, – то придется встать и сказать, что это я подбил Цзинь Бо поколотить его. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Цзинь Бо наказали. Он все делает ради меня, и я должен разделить с ним ответственность».

Много дней Шаопин не мог думать ни о чем другом и только напряженно ждал разбирательства. Но время шло, а все по-прежнему было спокойно. Цзинь Бо сказал, что сам Янминь клялся и божился не доносить на них, но Шаопин не верил. Но в итоге староста действительно никому не проболтался и вел себя совсем как раньше, как будто ничего не произошло. С Цзинь Бо и теми одноклассниками, которые его избили, он обращался вполне обычным образом – не лебезил, но и не выглядел затаившим злобу. На следующий день после драки он просто сказал учителю, что простудился и должен сходить к врачу, а потому не сможет присутствовать на уроках. По словам Цзинь Бо, в тот день, когда Гу Янминь отправился к врачу, Хунмэй тайком последовала за ним...

После драки Хунмэй и Янминь сблизились еще сильнее. Оба они поняли, в чем было дело. Даже если бы Цзинь Бо был законченный подлец, он все равно не стал бы лезть с кулаками безо всякой причины. Единственной причиной была Хунмэй. Все знали, что происходит между ней, Шаопином и Янмином. Шаопин держался тише воды ниже травы, и вот его товарищ взялся отомстить за него. Другое объяснение сложно было придумать.

Шаопин видел, что Хунмэй ненавидит его. Она делала вид, что его просто не существует. Янминь, что бы он там ни думал, внешне сохранял с Шаопином нормальные отношения. Но, разумеется, теперь он не скрывал и своих отношений с Хунмэй. Что же до девушки, то она, кажется, намеренно сообщала всему свету, что они с Гу Янмином – пара. Выбираясь в город, она делала это исключительно на велосипеде Янминя, а возвращала его всегда в местах полюднее и смущенно улыбалась в ответ. «Спасибо», – шептала она.

Спасибо. Шаопину тоже хотелось сказать «спасибо» жизни за урок. Опыт такого рода оказался совсем не бесполезен. Чувства его утратили былую нежность, но душа собрала богатый урожай.

Поостыв, Шаопин понял, что Янминь – человек хороший. Он не стал никому мстить. Не потому, что испугался, – какие бы brave ребята ни ополчились на него, им было не выстоять против школьного порядка. Если бы он донес на них, всем пришлось бы нелегко, а Цзинь Бо вообще могли выгнать из школы. Но староста замаял дело и одержал в каком-то смысле моральную победу.

Потом Шаопин подумал, что поведение Хунмэй тоже было вполне объяснимо. Ему было не сравниться со старостой. Симпатия – дело добровольное. Она зависит от обоюдного желания. Как говорится, насильно мил не будешь.

Первая волна бурного течения юности понемногу улеглась. Шаопин даже почувствовал радость облегчения. Дух его окреп. Он осознал, что должен жить нормально, как обычный человек, не теша себя несбыточными мечтами. Нормально, но не быть филистером. Быть может, ему всю жизнь предстоит прожить обычным человеком, но он не станет посредственностью. Во многих совершенно обыденных вещах часто требуется необыденный подход. Вот, например, Янминь – его избили, а он и не задумался о мести. После такого редко кому удастся сохранить душевное спокойствие, но староста повел себя необычно. Над этим стоило поразмыслить. Шаопин понял важную вещь: и в самых общих вещах может проявляться величие личности.

Это было первое усвоенное им самим знание о жизни, и оно оказало глубокое влияние на всю его последующую судьбу.

Через несколько дней в жизни Шаопина произошло нечто неожиданное: по указанию уездного агитпропа и управления культуры школа организовала агитбригаду, которой предстояло отправиться с выступлениями по всем окрестным коммунам. Из их класса выбрали его, Цзинь Бо, Хао Хунмэй и Гу Янминя. Шаопин должен был участвовать в сценке и в другом номере с чтением отрывка из «Ловкого взятия горы Вэйхушань»²⁰. Староста Гу тоже был занят в сценке, а также поставлен заместителем главы их небольшой бригады. Хунмэй должна была танцевать, а Цзинь Бо играл на флейте и пел. У него был прекрасный тенор.

Сценка называлась «На страже революции», ее написали вместе школьные учителя литературы. История была такая: брат и сестра из деревенских бедняков, закончив школу, возвращаются домой и вступают в ожесточенную борьбу с «классово чуждыми элементами» в лице кулацких детей и потерявшим классовую платформу бригадиром за право распоряжаться телегами. В конце концов они получают поддержку секретаря коммуны и побеждают...

Учительница музыки была их бригадиром и режиссером. Она сделала Шаопина исполнителем главной роли Чжан Хунмяо. Он робко и счастливо принял эту роль. Шаопин и представить не мог, что его младшую сестру попросят сыграть Тянь Сяося. Кулацкого сына играл один парень из старшего класса. Янминь играл секретаря коммуны.

После необходимого количества репетиций их бригада отправилась по коммунам. Шаопин был очень рад стать частью бригады и получить впервые возможность проявить свои таланты. Кроме того, в деревнях их кормили белым хлебом и мясом. Он расхаживал по сцене в безупречной одежде и чувствовал себя совершенно другим человеком. Младший Сунь чувствовал, что остальные тоже смотрят на него другими глазами.

Как главный исполнитель Шаопин выходил на сцену вместе с детьми разных больших людей. Он переживал самые захватывающие дни своей жизни. После сценки и Шаопин, и Сяося читали еще по отрывку – и эта декламация пользовалась самой большой популярностью. Конечно, соло его товарища Цзинь Бо тоже часто встречали бурными аплодисментами. Участники агитбригады стали не разлей вода. Все они были в том возрасте, когда человек неравнодушен к веселой шумихе, плюс за выступление полагались хорошие харчи, и каждый день проходил в итоге радостно и легко. Все прошлые обиды забылись. Шаопин и Цзинь Бо с нетерпением ждали приглашения в Каменуху, где было много знакомых и бывших одноклассников. Им было очень важно показать себя в коммуне. Быть может, и родные смогли бы прийти на выступление...

Но на полпути бригада неожиданно получила звонок из агитпропа: в регионе готовился конкурс чтецов, и уезд выбрал Сяося с Шаопином в качестве участников – им надлежало немедленно возвращаться в уездный центр для подготовки.

На Шаопина эта новость произвела эффект разорвавшейся бомбы. Боже! Он отправится в округ! Это будет его первое долгое путешествие, впервые он прикоснется к большому миру...

Все в агитбригаде завидовали ему и Сяося. Не стоит и говорить, как он был взволнован. Сяося тоже радовалась выпавшей им возможности, но она в детстве жила в округе, и для нее в их поездке не было ничего удивительного. Она не волновалась так, словно уезжает за границу, потеряв покой и сон. Учительница переделала их сценку – Цзинь Бо вызвался играть Чжан Хунмяо, а Хунмэй заменила Сяося в роли его сестры...

Шаопин отпросился съездить домой. Он сразу понял, что не сможет отправиться в округ с мешком гаоляна – нужны продталоны. И потом, разве мог он ехать в такое место в своей нынешней одежде? Костюм ему никто не выдаст. Когда он стал думать обо всем этом, желание

---

²⁰ Современная пекинская опера, созданная в 1958 году в Шанхае на основе рассказа Цюй Бо «Бескрайние леса и снежные равнины». Повествует о борьбе сил НОАК с разбойниками, укравшими на горе Вэйхушань в начале гражданской войны.

бурной деятельности сразу схлынуло, и ему стало тоскливо, – словно кто вылил на голову ушат холодной воды. Лучше уж не ехать, чем ехать так, как побитая собачонка. Шаопин решил разведать обстановку – как бы взрослых не хватил удар от таких безумных трат...

Когда Шаопин в тревоге и смятении приехал в Двуречье, он не знал, что весть о его путешествии уже добралась до деревни. Об этом знала каждая собака. Он не догадывался, что все деревенские только о нем и судачат – как будто он уже выбился в люди. Во всем Двуречье нашлась бы всего пара – тройка таких счастливиц, сумевших побывать в округе.

Что удивило и обрадовало Шаопина, так это то, что перед его приездом брат накопил два мешка картошки, продал ее и купил плотной синей материи. Она дождалась Шаопина в доме семьи Цзинь – мать Цзинь Бо обещала сшить ему по мерке славный костюм. Отец собрал всю пшеницу, какая была в хозяйстве – набралось с гульки нос, – отмерил два литра и сменял их в Каменухе на карточки.

Брат с отцом решили все проблемы, из-за которых он переживал. Все родные так сияли от счастья, что в носу у Шаопина то и дело начинало пощипывать. Он задержался дома на пару дней. Мать специально для него наготовила всякой вкусной еды и все твердила, чтобы в округе он был поосторожнее – это тебе не наша Каменуха...

Шаопин булавками приколол в кармане нового синего костюма карточки и десять юаней, которые брат вырубил от продажи помидоров и тоже отдал ему. Он был безмерно благодарен своим близким. В таком настроении Шаопин вернулся в город. Вместе с Сяося они три дня репетировали в уездном доме культуры, и в конце концов директор дома повез их в округ.

Когда Шаопин вышел из здания автовокзала, он сразу же был ослеплен городом и совершенно потерялся. Сяося показывала ему все, что узнавала. Он был так взволнован, что в голове все смешалось.

Они провели семь дней в общежитии № 2 окружного ревкома. Когда мероприятие закончилось, Сяося поводила его по разным известным местам. Шаопин познакомился с несколькими сотрудниками окружного дома культуры – в том числе с поэтом Цзя Бином, который оказался из того же уезда, что и он сам. Тот пригласил всех троих земляков в гости и громкоподобным голосом читал им свои стихи.

Шаопин и Сяося оба заняли второе место, а директор уездного дома культуры был так счастлив, что улыбался во весь рот.

Шаопин был вдохновлен увиденным. Он вернулся в уезд, нагруженный бесчисленными новыми впечатлениями, почетной грамотой и собранием сочинений Мао Цзэдуна. В субботу, прихватив купленные в округе для домашних гостинцы, он поехал в Двуречье. Кормили их хорошо, и Шаопину даже удалось сберечь свои десять юаней, поэтому на них он купил всем родным, кроме зятя, подарков: бабушке – упаковку кексов, маме с сестрой – по паре чулок, папе с братом – по махровому полотенцу, Ланьсян – красный клетчатый платок, а племянникам – двести пятьдесят граммов монпансье...

Глава 11

Жунье мучилась несколько месяцев. Она разрывалась между браком, к которому ее принуждали, и собственными симпатиями. Семья Ли Сянцзя и тетка Сюй спелись не разлей вода – они обрабатывали ее по очереди, а Шаоань, наоборот, держался на почтительном расстоянии. Жунье пала духом и не знала, что делать. В конце концов ей было всего двадцать два года, и она жила в чужом доме. У нее не было ни своих денег, ни достаточной смелости, чтобы решительно противостоять двум далеко не маленьким семьям одновременно – тем более что речь шла и о ее родственниках, о благодетелях, которые искренне радели за нее.

Ну да бог с ним – если бы Шаоань действительно мог на ней жениться, она бы и думать не стала об этом. Жунье убивала мысль, что обожаемый Шаоань не отвечает на ее зов...

В одну из суббот после их совместного путешествия в Каменуху Жунье приехала в Двуречь. Она хотела как можно скорее увидеть Шаоаня и поговорить с ним.

Пообедав дома, она сказала родителям, что собирается навестить кое-кого в деревне и в приподнятом настроении побежала в дом семьи Сунь. Но мать Шаоаня сказала, что сын не вернется домой до вечера: наступило время мотыжить землю под пшеницу, он собирался обедать прямо в поле.

Жунье едва могла скрыть свое разочарование. Она немного поболтала с женщинами, оставила сласти, привезенные для бабушки, и в расстроенных чувствах попрощалась. Перед уходом Жунье попросила передать Шаоаню, чтобы завтра он обязательно приходил в обед домой – ей нужно поговорить с ним по одному делу. Отложить это никак нельзя – уже завтра после обеда ей нужно возвращаться в город.

Мать Шаоаня заверила ее, что непременно передаст.

Вообще-то Жунье собиралась еще раз навеститься к ним вечером, но потом подумала, что родные станут беспокоиться, если она пойдет одна в темноте. И потом: вечером вся семья Сунь соберется дома и они с Шаоанем не смогут толком поговорить. Она не решалась назначить свидание где-нибудь в поле. Не дай бог, кто-то увидит – поползут слухи, и всем это выйдет боком. Все-таки полдень – лучшее время: дома у Шаоаня никого не будет, и они смогут спокойно пообщаться во дворе.

На следующий день в полдень Жунье опять с волнением поспешила к дому Шаоаня. Когда она поднималась на холм, сердце ее едва не выпрыгнуло из груди. Тяжело дыша, Жунье подождала, пока оно успокоится, и только тогда вошла во двор.

И тут же все в душе оборвалось – Шаоань не вернулся. Жунье сказала себе, что, верно, он придет позже, – все-таки человек бригадир, дел у него много. Надо терпеливо ждать.

Мать Шаоаня заволновалась:

– Я Шаоаню несколько раз вчера вечером сказала, чтобы непременно приходил, что дело важное...

– А он? – нетерпеливо перебила Жунье.

– Буркнул «ага»...

Что означало это «ага» осталось загадкой: то ли Шаоань действительно согласился вернуться, то ли просто дал понять, что услышал.

Жунье присела на кан. Она ждала Шаоаня, но мысли ее были далеко.

Прошло время обеда, но Шаоань так и не вернулся. Жунье не могла больше усидеть на месте. Она соскользнула с кана и стала ходить взад-вперед по комнате, делая вид, что рассматривает фотографии под стеклом. Ее слух улавливал малейший шорох у порога.

Мать Шаоаня занервничала и пошла на двор высматривать сына.

– Такая хорошая девочка, – бурчала она, – два раза, считай, приходила зазря, а этот оборот еще заставляет ее ждать... – Она с беспокойством сказала Жунье: – Видать, не придет

он. Кто знает, что этого балбеса задержало. Что за дело-то у тебя? Может, скажешь, а я уж ему передам...

Жунье покраснела:

– Да бог с ним. Не страшно. Как-нибудь приеду – скажу...

Она поспешила домой, чтобы успеть в город. Родители проводили ее до дороги, по которой ходил автобус. Проезжая под холмом, Жунье с тоской взглянула на дом Шаоаня. Ей было невыносимо обидно: она бросилась в деревню в надежде отдать наконец всю себя, весь свой пламень любимому, но не увидела даже его тени. Жунье никак не могла понять, почему Шаоань не пришел встретиться с ней. Он же должен был понять, зачем она приехала! Отчего он избегает ее?

Вернувшись к себе, Жунье начала понемногу успокаиваться и задаваться вопросом, возможно ли, что Шаоань действительно был так занят в поле, что не смог прийти домой. Почему нет? Он был бригадиром и за многое отвечал лично. Очень может статься, что какое-то дело не пустило его...

Она быстро решила еще раз передать ему весточку через Шаопина. Хотя в хозяйстве сейчас было много работы, уж на день – два он всегда мог отлучиться. И потом, он должен был, просто обязан, догадаться, в чем дело...

Жунье снова побежала в школу и попросила Шаопина передать в субботу брату, чтобы он непременно приезжал и что ей опять срочно надо с ним поговорить...

В воскресенье вечером она с нетерпением ждала возвращения Шаопина и думала, что когда Шаоань наконец приедет, она не будет уже такой стеснительной и все ему скажет как на духу...

Но Шаопин привез плохие вести: брат сказал, что очень занят и приехать не может. Жунье обмерла. Она закрыла дверь и всю ночь проплакала в общежитии...

На следующее утро у Жунье не было занятий. Она не стала завтракать, а сразу пошла на излучину за школой. Глаза были красные и опухшие. Прежде Жунье нравилось проводить время на тихой излучине – теперь же она оцепенело сидела в траве. Ей не хотелось оставаться в общежитии: если бы кто-то из коллег зашел к ней и увидел ее в таком виде, она бы не смогла объяснить им, в чем дело. Еще она боялась, что в школе может найтись какая-нибудь работа – но чем она могла помочь в своем нынешнем состоянии? Она чувствовала страшную усталость от мира.

Яркий огонь летнего зноя освещал землю с ее буйным цветением, но Жунье чувствовала только страшную пустоту в сердце. Посидев немного, она очнулась невыносимо уставшей. Бессонные глаза горели и ныли. Жунье упала в траву, как работник-лежебока, и довольно скоро забылась...

Она пришла в себя, только когда слышала голоса. Жунье испуганно села и увидела, что перед ней стоят ее тетка и мать Сянцяня. Она поспешно вскочила на ноги.

Обе женщины были очень удивлены, застав ее спящей в поле, а Жунье – озадачена их неожиданным появлением. Не успела девушка спросить, зачем они пришли, как мать Сянцяня подскочила к ней и взвизгнула:

– Ой ты батюшки, что у тебя с глазами?

Жунье смущенно ответила:

– Всю ночь читала...

– Вот любит читать человек, – пропела тетка, а потом обернулась и спросила племянницу: – А чего в общежитии не спишь?

Жунье поспешно сказала:

– В общежитии все время народ ходит, я хотела просто посидеть здесь немного. Я не думала, что...

Женщины заулыбались, и атмосфера разрядилась.

– Пойдем, тетушка Лю приглашает тебя на обед, – сказала Сюй Айюань. – Она у вас там не была никогда, вот я и взялась ее проводить, но в общежитии мы тебя не нашли. Потом твоя коллега сказала, что видела, как ты шла сюда...

– Пойдем, пойдем, пойдем, – произнесла мать Сянцяня не терпящим возражений начальственным тоном. – Попробуешь, что мы там наготовили. Я подумала, что тебе с непривычки чудно будет, вот и тетю твою пригласила.

Жунье была смущена. Зачем ей идти в дом к чужим людям и обедать там безо всякого повода? Но теперь, когда они нашли ее, она уже не могла отказаться. Если бы она отказалась, как должны были эти двое выйти из положения? Вряд ли бы она после такого задержалась в тетином доме надолго.

Да, в жизни порой мороз и снег сваливаются на нас в одночасье. Бедная Жунье ничего не могла поделать: душа противилась, но ноги сами несли ее следом за женщинами. В конечном счете она не осмелилась никого обидеть: последствия такой обиды не хотелось и представлять.

Жунье всю дорогу шла за ними, как ягненок, и думала: «Разве от того, что я схожу к ним разок, я стану их невесткой? Кроме того, и тетушка Лю с дядюшкой Ли, и тетка Сюй с дядей Фуцзюнем были старые коллеги – для них было в порядке вещей ходить друг к другу в гости». Жунье шагала вперед и пыталась отыскать хоть какой-нибудь благовидный предлог, чтобы сгладить неловкость этого явно странного визита...

Жунье никак не могла представить, что об этом визите прознают коллеги и знакомые. Поползли слухи, что она и Ли Сянцянь уже помолвлены. Для красного словца добавляли, что скоро она выйдет замуж за сына уездного председателя Ли.

Что еще больше разозлило ее, так это то, что сам Сянцянь, словно в подтверждение сплетен, пришел к ней в общежитие. Он уселся у Жунье в комнате, стал травить всякие байки и предлагать ей скататься на каникулах в столицу провинции или в Пекин на его машине. Жунье не решалась выставить его. Ей не хватало смелости. В итоге пришлось придумать предлог и выскользнуть из общежития, оставив незадачливого водителя куковать в одиночестве.

Когда она решила, что ему наскучило ждать и он ушел, Жунье вернулась обратно. Она увидела, что Сянцянь действительно пропал, но комнату было не узнать: зольник был вычищен так, что там не осталось ни пылинки, железный совок для мусора вымыт до блеска. Вот человек!

В тетином доме она то и дело сталкивалась с матерью Сянцяня. Та всегда заботливо спрашивала ее, нет ли у нее каких трудностей, мол, если какая помощь нужна, – не стесняйся...

Тетя тоже несколько раз подступала к Жунье: сказала, что Сянцянь признался родителям, что она ему нравится... Если Жунье не выйдет за него, он, как пить дать, наложит на себя руки. Вот родители и обхаживают ее, чтобы она стала женой Сянцяня...

Жунье было неприятно, но она не чувствовала ненависти к Сянцяню. Она способна была оценить искренность. В другом случае она давно бы пошла на попятную и уступила, но это... Это значило отдать всю себя тому, кому Жунье отдавать себя не хотела.

Зачем ты так мучаешь, жизнь? Если бы не Сянцянь, она бы мирно работала, как раньше, отдаваясь любимому делу, а душа ее была бы покойна, как безмятежное озеро. Это было бы счастьем. Но вот в озеро упал камень, и покой ее внутреннего мира был нарушен. Что было еще хуже – от этого камня пошли круги, и в сердце Жунье очнулась сжигающая все любовь, любовь к совершенно другому человеку... А когда она бросила свой камень, сердце любимого не отозвалось ни единым всплеском...

С прошлой зимы Жунье мучилась страстью и переживаниями. Как сильно хотела она рассказать все дяде, которого так уважала! Но ей было страшно вносить сумятицу в его жизнь: Жунье смутно чувствовала, что у дяди и так не все ладно на работе. Ему хватает собственных проблем. Не нужно ему переживать еще и из-за этого.

Отец... он, конечно, был секретарем производственной бригады, но в душе оставался простым деревенским мужиком. Ему было не понять ее. В таких вещах не стоило и рассчитывать на его помощь. Мать была простой, неграмотной женщиной...

Жунье, обдумав все и так и эдак, поняла, что ей придется принять решение самой. Конечно, у нее не было особой уверенности в том, что ей хватит сил. Но она решила, что постарается не упустить свою судьбу.

Ли Сянцзянь давил на нее все сильнее и сильнее. Неизвестно, когда он успел сложить ее угольные брикеты аккуратными стопочками перед дверью на манер небольшого, тщательно спроектированного домика. Он расколол грубые бревна на щепу, тонкую, как изящные поделки, и построил еще более художественное здание рядом с угольными пирамидками.

Вся школа нахваливала ее «жениха» и цокала языками, указывая на его «шедевры», оставленные под дверью.

Жунье больше не могла этого выносить. Она решила снова навеститься в Двуречье. На сей раз она должна была увидеть Шаоаня во что бы то ни стало. Даже если он опять вздумает прятаться от нее в поле, Жунье пойдет к нему сама, наплевав на все приличия.

Глава 12

Шаоань мучился ничуть не меньше Жунье. Он был ошеломлен, когда прочел ее записку. Конечно, в детстве они были не разлей вода, но Шаоань и представить не мог ее в роли своей жены. С какой стороны не погляди, это было абсолютно невозможно. А раз так – чего и думать.

И вот – не было печали, так черти накачали. Перед его глазами, как молния, вспыхнула белая полоска бумаги, от которой голова шла кругом. Он чувствовал, как в груди струится огромный теплый поток, как вертится над головой небо, как земля дрожит под ногами, а весь мир улыбается и становится совершенно другим. Он не помнил, как дошагал от Каменухи до Двуречья. Пока Шаоань не вошел во двор, рука его продолжала судорожно сжимать записку.

Теплый, радостный поток быстро утих. Шаоань вернулся к своей настоящей жизни. Все было просто и понятно. Понятнее всего было одно: это невозможно.

Да, невозможно. Как может вечно потный, грязный оборванец жить с кадровым работником, с учительницей? Пусть говорят, что теперь отменены все буржуазные предрассудки, стоит новый порядок, и вон пропагандисты рассказывают, что есть даже студентки университетов, которые выходят замуж за простых хлеборобов, – на самом деле это капля в море.

Шаоаню не хватило бы ни везения, ни смелости выстроить такой «новый порядок». И потом, что делать, если Жунье вдруг захочет переехать к нему? Даже места дома нет. Конечно, можно проделать лишнюю дырку в пещере, но дома и так одни дыры – чисто решето, нечем голь прикрыть. Где это слыхано, чтобы жена была большим человеком в городе, а муж пахал при этом в деревне? Вот если наоборот – это еще куда ни шло. Это не редкость. Например, Цзинь Цзюньхай работает водителем в округе, а жена и дети живут в деревне...

Когда Шаоань начинал думать о семье Жунье, ему становилось еще тоскливее. Тянь Футан был настоящим владыкой Двуречья. За годы он выстроил солидное хозяйство. Быт его семьи ничем не отличался от обстановки в домах кадровиков, не занимавшихся никаким производством. Дядя Жунье был крупной фигурой в уезде. Какая семья могла сравниться с Тяньями? Как мог сын бедняка Сунь Юйхоу войти в такую семью? Просто смех.

Но когда он думал о самой Жунье, сердце невольно наполнялось скорбью. Она не была призрачной химерой, нет, она росла вместе с ним, и они знали друг друга, как брат и сестра. Если бы он мог действительно прожить с ней до старости, как счастлив бы он был! Если бы в семье было чуть получше с деньгами, если бы он мог поехать в город учиться, если бы остался там работать – быть может, он и правда женился бы на Жунье...

Но разве мог он винить судьбу? Разве мог жалеть, что вернулся? Нет, он не жаловался и ни о чем не сожалел. Он должен был помочь отцу кормить семью, должен был взять на себя ответственность за будущее Шаопина и Ланьсян. С тех пор, как он вернулся, – несмотря на все трудности – семья продолжала держаться на плаву. Шаоань гордился этим, но, разумеется, не мог этим довольствоваться. Он готов был воспользоваться любой возможностью привести семью к процветанию. Шаоань был амбициозен и надеялся, что в будущем еще померяется с Тянь Футаном и Цзинь Цзюньшанем. Что же до брака, то в последние два года он все чаще задумывался о женитьбе. Ему было уже двадцать три – большинство крестьян его возраста давно женились, а неженатые имели кого-нибудь на примете. Он хотел найти хорошую, трудолюбивую сельскую девушку, которая станет работать с ним бок о бок. Но такие дела быстро не делаются. Не то чтобы он не хотел жениться, – просто не мог себе этого позволить. Шаоань собирался дожидаться, пока брат закончит школу. Как бы там ни сложилось – в деревне ли, в городе, у него все равно появился бы помощник. Тогда не поздно будет и подумать о женитьбе. Больше всего Шаоаня беспокоило то, что он не сумеет заработать на свадебные подарки неве-

сте, – а нужно никак не меньше тысячи юаней. За прошедшие два года были люди, приходившие свататься, но ни один не предлагал жены, которой не нужны бы были деньги.

Теперь же появилась женщина при собственных деньгах, которая хотела выйти за него, но он не смел на ней жениться...

Чем больше Шаоань думал, тем больше ему хотелось найти безлюдное место и плакать, плакать, плакать, обхватив руками голову. Как он был счастлив! Жунье, обожаемая Жунье, написала ему. Как мучился он оттого, что не мог обещать ей счастья, не мог жить с женщиной, которая любила его – и которую любил он сам.

Но у Шаоаня не было времени раскисать. Дома, в бригаде и в деревне дел было больше, чем у героев «Троецарствия»²¹. Он вставал затемно. Сперва натаскивал на коромысле воды, чтобы наполнить две здоровых бадьи, что стояли дома. Отец был уже не молод и не мог выполнять такую тяжелую работу. Наносив воды, Шаоань помогал матери приготовить еду для сестры. Ланьсян спешила к первому уроку в Каменуху. Едва сестра заканчивала есть, за ней прибежала Цзинь Сю, и Шаоань провожал их до Горшечной. Было еще темно, и девочки боялись ходить одни. В семье у Цзинь Сю не было мужиков, поэтому провожал именно Шаоань.

Проводив младших, Шаоань быстро возвращался и бежал в стойла, чтобы распланировать день своей бригады. На самом деле он успевал еще по дороге обдумать те сорок – пятьдесят задач, которыми предстояло заняться, а потом очень быстро распределить их между работниками. Поле не терпит никаких проволочек. Весь осенний урожай, все средства к существованию нескольких десятков семей в следующем году зависели от каждой минуты и каждой секунды.

Почти все члены бригады часто жаловались, что он держит их в ежовых рукавицах. Не успеешь перекурить, как Шаоань уже загоняет работать. Некоторые звали его изувером, но ему было наплевать. Он думал так: ежели сейчас не пропитать земли своим потом, то по осени, когда станут раздавать наработанное, будут называть и того хуже. Он всегда был в первых рядах и брался за самую тяжелую работу. Кроме того, Шаоань был большой мастер по части техники, и даже те, кто считал себя знатоками сельского дела, восхищались его познаниями. Его авторитет возник в каком-то смысле естественным образом.

Когда Шаоань не ел в поле, он шел обедать домой. Пустая миска еще не успевала коснуться стола, как он выскакивал наружу и неся на огород. Пока другие спали, Шаоань занимался собственными посевами. Огород был его главной ценностью, столь значимой, что он не знал, как еще обустроить его. Сажал зерно, сажал овощи, не чурался междурядного посева – использовал каждую возможность, планировал тщательно и аккуратно. Что-то растил для себя, что-то на продажу – каждый кусочек земли на огороде был полит его потом. Каким бы усталым он ни был, стоило Шаоаню вступить в свой маленький мир, как силы возвращались к нему. Порой он не работал даже, а просто отводил душу. Каждый урожай с этого клочка был свой, собственный. И пока впереди маячит урожай, крестьянин будет творить на земле со страстью художника...

Шаоань работал безумно и жадно весь день, а вечером, если в бригаде не было собраний, он падал в свой грязный угол и засыпал мертвецким сном...

Но с некоторых пор Шаоань потерял сон. После полного забот дня он не мог уснуть. Перед его глазами то и дело возникал образ Жунье. Он вздыхал в темноте и по временам зло ударял кулаком по кану.

Было совершенно непонятно, что делать. Сначала он думал, что если просто не ответить Жунье, она поймет, что он не согласен. Даже не так – не смеет согласиться. Думал, что она

---

²¹ Эпоха Троецарствия (220–280) – период в Китае, вошедший в историю как борьба и противостояние между тремя царствами: Вэй, Шу и У. В классическом романе «Троецарствие» (XIV в.) противостояние во многом подается как конфликт между героями – лидерами соответствующих царств: Цао Цао, Лю Бэем и Сунь Цюанем.

перестанет и вспоминать обо всем, что было. Но тут Жунье взялась передавать через Шаопина весточки и просить Шаоаня приехать в город. А у него действительно не было времени приехать. Но главное – речь шла о совершенно невозможном будущем. Зачем было тратить столько времени на эти поездки и разговоры? Шаоань не хотел говорить «нет» в лицо Жунье и видеть своими глазами, как разбивается ее сердце. Он боялся, что его сердце разобьется следом. Шаоань думал, что если он не поедет в город, Жунье сообразит, к чему он клонит, и не станет снова поминать о старом. Шаоань и представить не мог, что Жунье зачистит к нему в деревню.

В тот день, когда она должна была приехать, Шаоань, раздираемый муками противоречий, скрепя сердце решил не возвращаться. Он думал, что это, возможно, жестоко, но так есть, по крайней мере, шанс все закончить. Когда проблема решится, Шаоань спокойно объяснится.

Ему становилось все яснее, что если он согласится, то только навредит Жунье. Такой девушке, как она, нужно найти кого-нибудь городского. Это сейчас, по молодости, когда кровь ударила ей в голову, она хочет быть с Шаоанем. Но если она и вправду выйдет за него, проблем будет – не оберешься. Всем будет плохо. И куда хуже, чем сейчас.

Не надо, любимая, не надо, давай останемся друзьями, как раньше. Я навеки сохраню в душе тепло, я буду любить тебя, как сестру. Прости меня...

Шаоань еле пережил полдень. После обеда он пошел мотыжить вместе с остальными. За работой к нему вдруг пришло ощущение собственной глупости и бесчеловечности. Дурак, деревенский чурбан, зачем он так нелепо издевался над ней? Разве он не мог сбежать домой и сказать ей в трех словах, что думает? Милая передала ему весточку, а он стал отнекиваться, приплетать занятость, и вот теперь она сама приехала к нему – и что он сделал? Спрятался в горах, как разбойник, лишь бы не видеть ее...

– Вы работайте – у меня дело есть, надо домой сгонять, – бросил Шаоань, вскинул мотыгу и понесся вниз по склону...

Когда он прибежал домой, мать сказала, что Жунье уже уехала на машине в город.

Не слушая материной ругани, Шаоань вышел за ворота и зашагал по дороге. Некоторое время он шел, сгорая от нетерпения и бормоча себе под нос: «Извини, Жунье, прости меня...»

Шаоань думал, что, отвергнув любовь Жунье, разорвал и прежнюю дружбу между ними. Слишком ранил ее. Быть может, она больше никогда не глянет в его сторону. Поэтому он с головой ушел в работу. И в бригаде, и дома Шаоань говорил только то, что нужно сказать и ни словом больше. Когда кто-то попробовал пошутить с ним за работой, Шаоань ответил раздражением – все очень удивились и решили, что бригадир совсем «того». Никто не знал, что с ним творится...

После обеда Шаоань прихватил ведра и молча пошел на огород поливать овощи. Дождя не было с начала летней жары – да и за несколько месяцев до этого земля так и не напиталась влагой.

Огородец Шаоаня находился по дороге на Рисовское, почти сразу за околицей. Небольшой кусок спускался к реке, но большая часть лежала на откосах. Зелень, батат, тыквы – все росло у воды. На холме были одни злаки.

Шаоань подошел к речке и зачерпнул. Потом он потащил эту мутную воду наверх. Сперва поднялся от реки на дорогу, потом – с дороги к огороду и, наконец, пополз по горе, почти до середины склона. Дома он съел всего несколько мисок жидкой каши, и всякий раз, поднимаясь в гору, вкладывал в это движение все свои силы. Было так жарко, что он сбросил у реки рубаху и остался по пояс голым.

Сделав пару ходок, Шаоань почувствовал себя страшно усталым. Он вымыл лицо и плечи в реке, обтерся полотенцем, которое висело у него на плечах, и натянул драную рубаху. Потом Шаоань присел под ивой у воды и стал вертеть самокрутку.

Не успел он сделать первую затяжку, как услышал позади себя шаги. Шаоань повернул голову и увидел Жунье. Господи, откуда она здесь?

Шаоань был удивлен, счастлив, взволнован и напуган. Он вскочил на ноги и открыл рот от удивления. Жунье подошла к нему, но он не знал, что сказать. Наконец тихо промямлил:

– Как ты...

– Сегодня воскресенье. Я еще вчера приехала... – Жунье залилась краской. – Поливаешь?

– Ну да... – Шаоань вытер влажным полотенцем горячие капли пота с лица. – Пшеница вон почти высохла...

– Так разве на коромысле наносишь? – Жунье присела на круглый камень рядом.

Шаоань неловко опустил на прежнее место. Они сидели недалеко друг от друга.

– Ну, чего тут, всего пару грядок... – ответил он Жунье.

Они сидели в напряжении и оба бросали невольные взгляды в сторону домов, стараясь понять, наблюдает ли кто-нибудь за ними. Но стоял полдень, и уставшие землепашцы спали. Только с реки доносился монотонный хор кузнечиков да редкие крики случайных петухов из деревни...

В этот миг с дальних перевалов долетела вдруг переливчатая песня хлебороба. Шаоань и Жунье сразу узнали голос задорного старика Тянь Ванью из их деревни. Он явно шел к выселкам по тропке с горы. Шаоань и Жунье переглянулись и невольно рассмеялись, а потом, затаив дыхание, стали слушать его сладкий и вместе с тем горький напев:

До угорка я бежал —
Все ботинки изорвал,
Ты же просто не пришла —
Обманула, провела.
На коне я прискакал —
Для тебя все не удал.
У воды мы сядем рядом —
Сохну под твоим я взглядом.
Лилий цвет с соседних гор
По ложбиночкам пошел —
Что на сердце, не томи,
Всю мне правду расскажи...

Эта песня словно пелась им обоим. Они сидели с пылающими лицами.

– Шаоань... ты... – Жунье бросила на него смущенный взгляд.

Шаоань протяжно вздохнул и склонил голову.

– Эй, Жунье! Жунье-е-е! – с другой стороны дороги донесся протяжный крик Тянь Футана.

Они испуганно обернулись и увидели его, стоявшего на обочине деревенской дороги. Он явно видел их, но не подходил, а звал издали:

– Жунье, иди есть, мать ждет...

Жунье так разозлилась, что прикусила губу и не ответила отцу.

Шаоань поспешно встал, подтащил ведра к реке, набрал воды и, не сказав ни слова, полез на склон, низко опустив голову. Жунье пришлось тоже встать. Она расстроено побрела вдоль реки к деревне. Секретарь Тянь увидел, что дочь идет назад, повернулся и зашагал прочь.

Не успели они поговорить, как их разогнал крик Тянь Футана...

Жунье вернулась домой сердитой. Ее новенькие туфли были покрыты речной грязью. Она выглядела сконфуженной.

Тянь Футан ни словом не упомянул об их встрече, но дочь тут же стала оправдываться:

– Мне захотелось пойти прогуляться по деревне. Я встретила на дороге Шаоаня с ведрами, и мы поболтали... Земля такая сухая, что посевы скоро совсем засохнут.

– Сегодня я в Горшечной купил кусок баранины. Молоденький ягненок, при нас забили... Ешь скорее, Жунье.

Тянь Футан вынес тарелку с пельменями, поставил ее на кан и сделал вид, что ничего не слышал. Когда Жунье отвлеклась, отец бросил тяжелый взгляд на пару ее невозможно грязных туфель, стоявших на полу...

Отношения между Шаоанем и его дочерью очень злили Тянь Футана. Он даже ездил в город, чтобы сообщить о неверном распределении огородов членам первой бригады. В те годы это было серьезным делом, и за такое могли навесить ярлык «идущих по капиталистическому пути». Но за Шаоаня и остальных заступился Бай Минчуань, ограничившись маленьким внутренним собранием и объявлением, доверенным деревенскому громкоговорителю.

Глава 13

С самого начала весны, когда Шаопин поступил в школу, он провел в городе уже порядочно времени. Все это время он страдал от нищеты, голода и одиночества, испытывал муки первой любви и еще бóльшие муки первого расставания. Когда эта маленькая юношеская трагедия подошла к концу, поток чувств в его сердце успокоился – но взамен пришли рассудительность и опыт. Конечно, то была еще не зрелость. Шаопин во всех отношениях оставался подростком.

С тех пор как школа организовала агитбригаду и Шаопин с Сяося съездили в округ, вещный мир вокруг него ничуть не изменился, но внутренняя жизнь начала становиться шире и разнообразнее. Кроме того, теперь у него был новый синий костюм, и, стоя на линейке, он выглядел ничуть не плоше одноклассников – наоборот, рост добавлял ему привлекательности и даже какой-то харизматичности. На оставшиеся от поездки деньги Шаопин купил копеечную зубную щетку и теперь щеголял белоснежной улыбкой. На расческу и зеркало денег не осталось, и вообще – было немного стыдно покупать их. Поэтому он частенько поворачивался к окнам классной комнаты и расчесывал волосы пальцами, глядя в стекло, как в зеркало. Если бы у него была приличная пара кед, было бы вообще знатно.

Шаопин преодолел свою прежнюю стеснительность. Теперь он общался равно и со знакомыми, и с незнакомцами. За прошедшие полгода Шаопин начал играть на сцене, съездил в округ, повидал большой мир и теперь был назначен не только начальником трудовых резервов, но и членом комсомольской ячейки, ответственным за пропагандистскую работу, и вошел в ряды активистов. Одноклассники зауважали его. Девочки стали смотреть на него особым взглядом – так, словно он был интересным новичком.

Но Хунмэй по-прежнему относилась к нему с безразличием. Она действительно сблизилась за это время с Янминем. Ее видели в гостях у старосты Гу и поговаривали, что большой блокнот в красной обложке, которым она пользовалась, был его подарком. Шаопин теперь воспринимал это спокойно. В душе его ничто не отзывалось, ибо жизнь уже открылась ему во всей своей полноте и взгляд его устремился на иные предметы.

Он больше не дождался, когда другие покончат с едой, чтобы взять свой черный бедняцкий хлеб. Мало-помалу он отказался от этого тщеславия (или, другими словами, самоуничижения) и становился в очередь открыто и спокойно. Несколько одноклассников, из тех, кто побогаче, даже стали его друзьями. Порой кто-нибудь даже покупал ему на свои деньги завидную категорию «Б». Он уже смутно осознал, что для полноценной жизни нужны не только еда и одежда, но и много, очень много того, для чего он не мог подобрать сейчас слов. Конечно, вспоминая о собственной бедности, он по-прежнему впадал в панику. Но все – даже это – было не то, что раньше.

Самым важным оказалось для Шаопина сближение с Сяося. Его покорила ее индивидуальность, ее нестандартный подход ко всему. То были совсем другие отношения, чем с прежней его симпатией. Прежде он хотел чего-то от Хунмэй – теперь же все его существо наполнялось одним немым восхищением. Сяося была очень начитанной. Она смотрела на многие вещи совсем не так, как было принято, – порой даже противоположным образом. Иногда она даже не соглашалась с тем, что писали в газетах, что удивляло Шаопина.

Ему очень хотелось болтать с Сяося – главным образом, чтобы послушать. Шаопин часто думал, что если бы Сяося была парнем, он мог бы свободно разговаривать с ней, когда хотел. Он чувствовал, что всякий раз, когда они болтают, для него открываются все новые и новые бездны.

Сяоя была отзывчивой и искренней. Порой она сама приходила к Шаопину и долго говорила обо всем, что придет в голову. Поскольку они вместе играли на сцене и к тому же были из одной деревни, одноклассники не обращали на это внимания.

Всякий раз, когда Шаопин бросал после уроков мячик на площадке, он видел, как Сяоя в рубаше, заложив руки в карманы, совсем как мальчишка, идет к газетному стенду. Она проводила чуть не по полдня перед стендом: сперва читала все с одной стороны, потом переключалась на следующую и уходила, только все прочитав.

Шаопин под благовидным предлогом сбегал с площадки и тоже шел к стенду, чтобы почитать с ней вместе газету и поболтать. Сяоя признавалась: ее отец говорит, что ученик средней школы должен воспитывать в себе привычку каждый день читать газеты и расширять кругозор. Печально, когда культурный человек не знает, что происходит в стране и в мире...

Эти слова произвели на Шаопина очень глубокое впечатление. С тех пор каждый день, даже если Сяоя не оказывалось рядом, он сам шел к стенду читать газеты. Эта привычка осталась с ним на долгие годы.

Однажды, когда они в очередной раз читали вместе, Сяоя указала на подпись под статьей и сказала:

– Опять этот красавец горюдит ерунду!

Шаопин бросил взгляд туда, куда указывал ее палец. Там было написано «Чу Лань». Шаопин удивился: отчего Сяоя не боялась сказать, что это чепуха? Этот Чу Лань часто публиковал «важные статьи», и классный руководитель рекомендовал их для коллективного изучения.

– Почему ты так говоришь? – спросил Шаопин в ужасе.

Сяоя улыбнулась и сказала:

– Я просто знаю, что ты не пойдешь стучать. Все эти ребята только и делают, что несут чепуху. Это от них в нашей стране творится полный раздрай!

– Откуда ты знаешь?

– А разве ты не видишь? Крестьяне голодают. Ты и сам из деревни – ты не можешь этого не знать. И потом, погляди – в школе никто толком не учится, целыми днями все какие-то мероприятия, все кричат, мол, в стране все хорошо. Так оно вроде каждый год лучше прежнего, а классовых врагов и капэлементов становится только больше. Круглые сутки – такая кампания, сякая кампания, критика, самокритика, бедняки совсем замордованы. Скоро вообще никого не останется...

– Это ты сама так решила или тебе папа сказал?

– Папа ворчит, бывает, но и своя голова на плечах имеется. Разве ты не думаешь об этом?

– Я... не так чтобы очень думаю, – честно ответил Шаопин.

– Ты хороший парень, – сказала Сяоя. – А вот у многих деревенских вообще нет никакого темперамента. Например, мой двоюродный брат Жуньшэн – он на три дня старше меня, а ума ни капли!

Темперамент? Шаопин впервые услышал такое слово.

– Что такое темперамент? – спросил он.

– Темперамент... – Сяоя покраснела. Она сама не знала, как растолковать хитрое слово. – Все равно, не знаю, как объяснить. Зато знаю, что значит. Вот у тебя темперамент что надо, – сказала она твердо.

Шаопин так и не взял в толк значение нового слова, но понял, что слово было хорошее. Не в смысле добрый малый, эдакая божья коровка, – а скорее наоборот. Но определенно хорошее.

– Тебе надо читать «Справочную информацию»²².

---

²² «Цанькао сяоси» – старейшее издание, выходящее в Китае с 1931 года тиражом более 3 миллионов экземпляров ежедневно. В газете публикуются переводные статьи иностранных информагентств. До 1980-х годов это был единственный официальный канал сведений о внешнем мире, доступный только номенклатурным работникам и их семьям.

– Да, я знаю про эту газету. Но она же для номенклатурщиков.

– Папа выписывает. Давай я буду приносить тебе раз в неделю. Еще я знаю, что ты любишь читать. Какой интерес читать один худлит?! Надо брать в руки книги по политэкономии и философии – сперва, может, будет непонятно, но все равно полезно. Папа часто дает мне такую литературу: Ай Сыци²³, например, «Диалектический материализм и исторический материализм». Говорит, она легко написана. Я уже прочла, давай тебе дам...

Так и вышло, что Сяоя провела Шаопина в совершенно иную реальность. Он с жадностью глотал все книги, что она приносила, а со «Справочной информацией» вообще не расставался. Его душа улетала далеко, в большой новый мир, пусть и наощупь, почти вслепую, но он пробирался по нему все дальше и дальше. Он читал «Страны мира» и Джека Лондона – все, что давала ему Сяоя. Прочел даже «Мартина Идена». Сяоя рассказала ему, что Ленин очень ценил рассказ Лондона «Любовь к жизни». За несколько дней до кончины великий учитель просил Крупскую прочесть ему этот рассказ. Шаопин зачитал Лондона до дыр. Ночами ему снилось, как он бьется со старым волком, который хочет его сожрать...

Все это давало душе никогда не испытанную прежде радость. Теперь он мог смотреть на себя и свое окружение непредвзято, с большей уверенностью, новым, испытующим взглядом – с совершенно разных сторон. Конечно, внешне он был все тот же Шаопин, но внутренне он сильно поменялся. Во многом Шаопин оставался крестьянским сыном, но он изо всех сил пытался вырваться на свободу, за пределы своего слоя.

Но реальная жизнь была предельно определенной, предметной, осязаемой. Все, что творилось внутри, не меняло условий его жизни...

С утра вся школа – учителя и ученики – слушали на площадке доклад «Счастливые сегодня и тяготы прошлой жизни». Чтобы усилить эффект собрания, перед докладом всем выдали порцию «прошлой жизни» – черную грубую булку и миску кипятка, размыв тем самым четкую границу между богатыми и бедными. Сегодня все были Сунь Шаопин и Хао Хунмэй.

Главным докладчиком выступал старый дед из деревни, где жила Хунмэй. Одет он был в жуткие обноски, но вокруг головы красовалось совершенно новое белоснежное полотенце. Было видно, что он давно приноровился вести такие встречи, – говорил четко, как по писаному. Когда дело доходило до страдательного момента, дед пускал слезу и закрывал лицо руками. В толпе подхватывали. Во время этой пантомимы парень слева от трибуны, специально выбранный за звучный голос, принимался, глядя в бумажку, дирижировать собранием. Вскинув кулак, он кричал: «Не забудем классовых страданий! Будем помнить бремя кровавой вражды! Да здравствует пролетарская революционная линия председателя Мао!»

Школьники вторили, эхо гремело по горам. Когда все нужные лозунги были озвучены, дед продолжил свой рассказ. В основном он говорил о том, как его угнетал землевладелец Хао. Шаопин смотрел на Хунмэй. Голова ее опускалась все ниже и ниже. Старик явно говорил о ее деде.

Шаопин сидел в кругу одноклассников и слушал сдобренный причитаниями рассказ старика. Вдруг Цзинь Бо ткнул его локтем и прошептал:

– Там твой отец пришел, вон, за площадкой...

В душе у Шаопина полыхнуло страхом, он вскочил и бросился к отцу – но потом вспомнил, что нужно отпроситься, и повернулся к классному руководителю.

Получив разрешение, Шаопин, пригнувшись, покинул место собрания, где царила суровая торжественность. Он видел, как отец крутит головой, выглядывая его. Сердце выскакивало из груди – он гадал, что за горе вновь свалилось на семью. Старший Сунь никогда бы не поехал

---

²³ Ли Шэнсюань, писавший под псевдонимом Ай Сыци (1910–1966) – китайский философ, теоретик компартии Китая, известный популяризатор марксистской идеологии, автор курса по диалектическому материализму. Был заведующим кафедрой философии Высшей партийной школы при ЦК КПК.

в город по пустякам. Раз он пришел в школу, значит, случилось что-то серьезное. Лицо отца было тревожно. Сжимая в руках трубку, он нервно смотрел перед собой, не думая ее раскуривать.

Только когда Шаопин подошел вплотную, отец заметил его.

– Что случилось? – выдавил Шаопин.

– Ничего, ничего... Нужно посоветоваться. Шаоань уехал, надо бы тебе отпроситься – ну, помочь по хозяйству.

Шаопин почувствовал облегчение. Он не стал говорить при всех, а отвел отца к себе в общежитие. В комнате Шаопин налил ему стакан кипяченой воды и спросил:

– Куда Шаоань-то подался?

Отец ворчливым тоном сообщил, что брат отправился в Шаньси присматривать себе жену.

– Как уехал, так я и остался один-одинешенек – ни роздыху, ни передышки. И потом, за каждый день, что его нет, будет вычет по трудовням. Ты бы приехал, поработал бы за него, а? Я сперва не хотел тебя отрывать, но потом сел, посчитал – если Шаоань возьмет жену, будут новые долги. Так твои трудовни лишними не будут...

– Значит, завтра поедем, – быстро отозвался Шаопин. – В школе все равно никакой учебы, целый день в поле. Какой смысл работать бесплатно? Лучше уж за трудовни. Если отпрашиваешься меньше, чем на полгода, то с аттестатом никаких проблем возникнуть не должно.

– Как только твой брат приедет, ты немедленно вернешься в школу.

– А с чего это его понесло в Шаньси? – спросил Шаопин.

Тогда старик Юйхоу рассказал сыну всю историю со сватовством – от начала и до конца.

Выслушав ее, Шаопин долго молчал. Неизвестно отчего, он вспомнил о Жунье. Она столько раз звала брата в город, но при этом даже не намекнула Шаопину, о чем собирается с ним говорить. Шаопин смутно чувствовал, что между Жунье и Шаоанем что-то происходит. На своей шкуре испытав муки первой любви, он угадывал теперь подобные вещи. Шаопин всем сердцем желал брату такой девушки, как Жунье. Если бы она стала его невесткой, он гордился и радовался бы ничуть не меньше самого Шаоаня. Но Шаопин довольно быстро понял, что это абсолютно невозможно. Его брат работал на земле, а Жунье – в государственной школе, и вообще – их семьи были не ровня друг другу. Он, конечно, знал, что в детстве Шаоань и Жунье почти не разлучались, но женитьба была дело третье.

Вместе с тем Шаопин чувствовал, что Жунье глубоко привязана к Шаоаню. В последнее время она выглядела совершенно замученной. Интересно, знает ли она, что Шаоань поехал в Шаньси свататься? Если она действительно любит Шаоаня, а тот не сказал ей ни слова про поездку, – это просто ужасно. Стоит ли ему открыть ей глаза? Не делать это явно, конечно, но найти повод пообщаться и как бы между делом упомянуть об этой новости...

«Нет, не пойдет», – быстро сказал себе Шаопин. Он ничего не знал о том, что творится между Жунье и Шаоанем. Нельзя было лезть в это, не подумав.

На площадке меж тем закончилось собрание, и оттуда донеслись шумные голоса.

Подходило время обеда. Вооружившись карточками, что дала ему Жунье, Шаопин уже собирался выйти купить отцу поесть, но тут на пороге возник Цзинь Бо с целой грудой лепешек и щедрой порцией тушеной свиной головы. Цзинь Бо был просто прелесть: он неизменно выступал верным и хитроумным спасителем, готовым в самый критический момент оказать любую помощь друзьям, – и всегда именно там, где нужно. Когда Цзинь Бо услышал, что Шаопин собирается отпроситься в деревню, то тут же отдал ему ключ от дома и, указав на маленький ключик, привязанный к большому, сказал:

– Это от сундука в моей комнате. У меня там есть сигареты, если все достанет, возьми покури. Покуришь – отпускает...

Шаопин улыбнулся:

– Нечего приучать меня к этим вашим штучкам.

Старый Сунь тоже улыбнулся в ответ:

– Вы еще мальцы, куда вам. Как начнешь – потом не бросишь.

На следующее утро Цзинь Бо отправился в уездное управление народного хозяйства, договорился там со знакомым водителем, и Шаопин с отцом отправились обратно в Двуречье на попутной машине...

Глава 14

Когда Шаоань вздумал искать себе жену, старик Сунь пошел за советом к брату. Конечно, Шаоань был хорошим парнем, но была в этом деле и загвоздка – где взять денег на подарки невесте? И тут жена Сунь Юйтина Хэ Фэнъин сказала, что у нее есть племянница, которая бы очень подошла Шаоаню и которая при том не хочет подарков. Сердце старика Сунь забилося чаще, а Шаоань подумал о Жунье. Впрочем, он никогда всерьез не верил, что они могут быть вместе. Когда он в последний раз размышлял об их отношениях, то пришел к такому же выводу, что и в начале. Шаоань решил поехать на родину тетки Хэ и посмотреть на девушку.

Никто в Двуречье не думал, что Сунь Шаоань вернется из Шаньси через месяц с большеглазой девчушкой. Потом все стали жалеть Шаоаня: глядите, такой хороший мальчик, а не нашел себе пары, пришлось ехать черт-те куда, жениться неизвестно на ком, – если эта девица хоть капельку похожа на Хэ Фэнъин, то Шаоань может забыть теперь о безмятежной жизни.

Но жалость очень быстро превратилась в восхищение. Кто-то из деревенских под благовидным предлогом наведаясь к семейству Сунь и сказал, что шаньсийская девица совсем не похожа на тетку Хэ. Лицом она была не особо красавица, но смотреть не надоест: яркие брови, темные глаза, белые зубы, щедрые формы – словом, та женщина, о которой мечтает всякий деревенский парень. Еще больший восторг вызвало то, что она не побрезговала убогой дырой, в которой ютилась семья, и уже на следующий день взялась хлопотать по хозяйству. Невестка была сама ласка. Вся семья сходила с ума от счастья. Но самое главное, что она отказалась от денег и подарков. Где такое видано?! Вот привалило дураку счастье!

Когда Шаоань, смущаясь, показался за порогом, его окружили соседи. Они взялись, посмеиваясь, расспрашивать о привезенной девице. Деревенские бесстыдники допытывались:

– Ну, вы потрахались уже?

А Тянь Ванью, который плевал от рождения на все приличия, только подбавлял масла в огонь, напевая с кривой ухмылкой:

Мы под рученьку пойдем,
Поцелую в щечку.
Ты меня уж приголубь —
И пойдем в кусточки!

Народ заржал. Шаоань, залившись краской, зашагал прочь от летевших ему в спину едких шуток. Ему было не до веселья – слишком много дел тревожило Шаоаня. Почти со всем нужно было разобраться немедленно. Радость и горе переплетались в душе причудливым клубком – не разобрать, где кончалась одна и начиналось другое.

Шаоань не питал больших надежд на свою поездку в Шаньси. Он поехал скорее под давлением обстоятельств. На душе было тоскливо, хотелось развеяться.

У Хэ Яоцзуна было две дочери. Старшая, Сюин, вышла замуж за односельчанина, и они с мужем переехали в родительский дом. Младшей, Сюлянь, исполнялось в этом году двадцать два. Она закончила деревенскую школу и помогала родным по хозяйству.

Шаоань и представить себе не мог, что, увидав Сюлянь, влюбится без памяти. Она оказалась ровно такой женщиной, о которой он прежде мечтал: крепкой, симпатичной, разумной. Особенно Шаоаня очаровала ее статная фигура. Сюлянь с детства росла без матери, а потому была мастерицей на все руки. Сам он тоже понравился дочке Хэ Яоцзуна с первого взгляда – она прониклась к нему так, что даже не хотела, чтобы он уезжал. Старику Хэ, его дочери и его зятю Чан Юлиню Шаоань тоже пришелся по сердцу. Решение приняли быстро. Шаоань подробно рассказал о своей семье будущей жене и тестю, но Сюлянь сказала, что пошла бы

за него, будь он хоть бездомным попрошайкой. Семья Хэ, увидев ее решимость, не стала препятствовать – в конце концов главное, чтобы она сама была довольна. Старик Хэ сказал:

– Не бойся, дочка. Ежели не справитесь, мы поможем!

Шаоань был очень благодарен Сюлянь и ее семье. Он сам не заметил, как увлекся ей не на шутку.

Когда со свадьбой все уладили, Шаоань решил, что пора возвращаться – и как можно скорее. Но Сюлянь, покоренная с первого взгляда, не хотела отпускать его и удерживала жениха в деревне. Шаоань все время думал о своей неудачливой семье, но не мог отказать и Сюлянь, окружившей его трепетной заботой. Он так привык к работе, что совершенно не способен был сидеть без дела – и скоро уже махал мотыгой на огороде бок о бок с Сюлянь. Деревенские нахваливали его мастерство. Все говорили, что девка нашла себе хорошего мужа.

Через месяц у Шаоаня на сердце заскребли кошки. Он сказал Сюлянь и ее семье, что не может больше злоупотреблять их гостеприимством – пора и честь знать. Когда Сюлянь поняла, что не сможет удержать его, то предложила поехать вместе. Она сказала, что съездит к Шаоаню на пару дней, а потом вернется домой. Под Новый год Сюлянь приедет с отцом в Дворечье и они с Шаоанем поженятся. Семья поддержала ее.

Видя, что избавиться от настойчивости Сюлянь совершенно невозможно, Шаоань был вынужден согласиться. Вообще-то он не хотел вести Сюлянь домой сразу – он знал, что там даже негде ее положить. Куда девать ее? Дом ее тети Хэ Фэнъин – тоже всего-навсего дыра в скале, и потом там так грязно, что трудно подобрать приличное выражение. Шаоань хотел сперва все обустроить и только потом привезти Сюлянь – тем более, что он абсолютно не знал, как это сделать.

Всю дорогу до дома Шаоань мучился так, что не находил себе места. Время от времени он начинал говорить о своих сомнениях с Сюлянь – не о том, что предстоит им в будущем, а о тех тяготах, которые ждут в Дворечье прямо сейчас. Сюлянь сидела рядышком, прижимаясь к нему без смущения.

– Если дома нет места – я могу заночевать в коровнике, – сказала она. Шаоань горько усмехнулся...

Когда он вернулся домой, все были невероятно счастливы. К большому удовольствию Шаоаня его невеста действительно ничуть не смущалась общей бедностью. Она была ласковой, предупредительной, равно приветливой и с малыми, и со старыми.

– Твои все такие славные, – шепнула она Шаоаню, – и вообще всё лучше, чем я представляла. А то ты так расписывал – я думала, совсем беда!

Больше всего Шаоаня обрадовало то, что его брат Шаопин немедленно устроил Сюлянь в доме Цзинь Бо вместе с Цзинь Сю и Ланьсян. Тетя Цзинь была так счастлива, что достала из сундука совершенно новую постель. Шаопин сказал брату:

– Может, ты оставайся в комнате Цзинь Бо? А я в твоей переночую.

Шаоань смущенно улыбнулся:

– Мы же не женаты. Если заночую у Цзиней – деревенские засмеют. Лучше ты оставайся, проводишь Сюлянь вечером. А утром приведешь ее – поедим вместе...

Вечером Шаоань выслушал рассказ о смерти Цзинь Цзюньбина. Он подумал, что должен сходить к Цзинь Цзюнь, выразить свои соболезнования. Еще нужно навеститься к секретарю Тяню и объяснить ему причину своего позднего возвращения. А уж потом приниматься за подготовку к свадьбе. Как ни крути, предстояли хлопоты. Хотя семья Сюлянь отказалась от денег и подарков, все равно нужно было справиться невесте пару комплектов одежды и передать что-то старшим Хэ – хотя бы сообразить матрац с одеялом или сшить овчинный тулуп для старика Яоцзуна. И сам Шаоань не сможет жениться в старой одежде – хоть куртку какую, а придется купить. Потом нужно будет проставиться по всей форме. И постель своя нужна – да только вот куда ее приткнуть? В его нынешней комнате им никак не поместиться.

От мыслей пухла голова.

А впрочем, чего зря есть себя поедом? Что-нибудь сообразится. Все равно Шаоаню было чем занять себя в доме.

На следующее утро после возвращения он пошел к замбригады Тянь Фугао – расспросить его о том, что творится в деревне и распланировать работу. Тот рассказал страшную новость: из-за невероятной засухи руководство решило спустить воду из водохранилища, расположенного выше по течению. Последствия оказались катастрофическими – вода снесла плотину. Погиб Цзюньбинь – младший брат Цзюнью и Цзюньвэня. Бай Минчуань рвал и метал. В коммуне шли собрания, по громкоговорителю всех разносили в пух и прах. Деревня организовала поминальную службу и похороны. Цзюньбиня признали павшим героем, а его вдове Ван Цайэ выплатили компенсацию.

После обеда Шаоань отправился к Цзинь Цзюнью, чтобы выразить сочувствие его горю. Шаоань выкурил самокрутку, перебрался по камням через речку и поднялся на Храмовый холм через манящие заросли китайских фиников.

Когда он прошел по мостику через ручей и оказался в низине у школы, то заметил дядю Юйтина со свернутой в трубочку газетой, спускавшегося с холма. Дядя заговорил первым:

– Ох, так был занят, что все пропустил. Фэнъин сказала, что Сюлянь приехала с тобой. Это хорошо...

Шаоань остановился и стал ждать, пока дядя не подойдет поближе.

Тот сперва пересказал Шаоаню прочитанную в газете статью председателя Мао, а потом вдруг произнес немного грустно:

– Надо бы пригласить тебя с Сюлянь в гости – так ведь у нас принято. Но ты же знаешь, какой у нас дома раздрай. Всю пшеницу, что дали летом, твоя тетка сменяла на продталоны в Каменухе. Сказала, что коммуна утвердила ее кандидатуру – ну, ехать в Дачжай²⁴ для обмена опытом...

Шаоань слушал его болтовню и чувствовал жалость к словоохотливому старику. Он был уверен, что дядя грезит только революцией и давно позабыл обо всем прочем. А тут оказалось, что он помнит о деревенских традициях.

Шаоань знал, что старик говорит правду.

– Я понимаю, – сказал он, – если не позвать Сюлянь в гости – засмеют. Давай так: я принесу от нас белой муки. Если хочешь, могу вечером принести, чтобы никто не видел...

Старый революционер согласился со щедрым предложением племянника.

Шаоань оставил дядю и направился прямо к дому Цзюнью. Бригадир пожал руку товарищу, взгляд его больших глаз туманили слезы. Шаоань сказал мягко:

– Я узнал, когда вернулся. Пришел вот немного тебя утешить. Люди часто говорят, что пролитой воды не собрать. – Потом он добавил то, чему научили его когда-то в школе: – Все под богом ходим – невозможно все предвидеть...

Цзюнью взял его за руку и усадил на стул. Жена Цзиня налила Шаоаню чашку кипяченой воды и ласково пододвинула к нему. Оба были глубоко тронуты его визитом.

Шаоань сделал глоток воды и сказал:

– Не знаю, как вы пришли к такому решению. Не надо было так, конечно, делать. Нужно было обратиться непосредственно к главе коммуны – обсудить вопрос о разумном распределении воды, чтобы коммуна сама все уладила. Кроме того, даже без коммуны Футан или Цзюньшань могли пойти напрямую договориться с главами нескольких деревень в верховьях.

---

²⁴ Дачжай – деревня и бывшая коммуна в несколько сотен крестьян в уезде Сиян провинции Шаньси, в основном известная благодаря директиве Мао Цзэдуна «Учиться у Дачжая в сельском хозяйстве», которая утвердила деревню в качестве главного образца для сельхозпроизводства по всему Китаю в 1960-х и 1970-х годах.

Не верю, что те стали бы вставлять палки в колеса, – это попросту неразумно. А в итоге что вышло? Вода ушла, погиб человек. Теперь будет разбирательство...

– Если бы ты тогда был на месте... Я-то думал, что я парень не промах, – а вышла беда.

В больших делах я тебе и в подметки не гожусь...

Жена Цзиня перебила:

– Да ты и в пустяках...

– После драки всяк хорош кулаками махать, – улыбнулся Шаоань. – Будь я тогда в деревне, кто знает, может, и я бы пустился во все тяжкие – похлеще остальных. Снес бы ко всем чертям и нижние дамбы!

Цзини засмеялись.

Поболтав еще немного, Шаоань попрощался.

Когда он вернулся на дорогу, то у Тяневой насыпи встретил Футана и объяснил ему причину своего позднего возвращения. Тянь Футан сильно похудел от переживаний. На лбу красовалась черная отметина от медицинской банки. Он улыбнулся и сказал:

– Дело доброе, чего тут объяснять. Да ради такого не грех и два, и три месяца потратить...

Секретарь Тянь был очень счастлив, что Шаоань нашел себе невесту. Теперь ему не нужно было больше беспокоиться об отношениях между дочерью и бригадиром.

– Когда свадьба? – спросил он.

– Думаю, на Новый год устроить. Но ты мою семью знаешь – была бы ерунда, и то с трудом денег наскребли бы...

Футан сразу же сказал:

– Не бойся. Зерна можешь взять из запасов бригады, сколько надо – столько и бери, любого.

Шаоань был очень доволен обещанием секретаря, которое избавляло его от больших трудностей:

– Прекрасно! А то я все волновался. Много не возьму – все равно потом возвращать.

Одолжу ровно столько, сколько нужно...

Когда Шаоань и Тянь Футан прощались, секретарь заботливо повторял:

– Если будут какие трудности, то ты не стесняйся – поможем!

Шаоань быстро шел домой и думал: «Как приду, надо будет поговорить с матерью отдельно ото всех, отмерить муки и отнести ее к дядьке – соблюсти приличия». Следующей в голову пришла мысль, что завтра утром они с Сюлянь сами ее и съедят. Шаоань не мог удержаться от смеха.

Глава 15

Когда Шаоань привез домой невесту, отец не находил себе места от счастья. Он и подумать не мог, что все пройдет так гладко, а девочка окажется такой милой и сообразительной. Вот уж точно: лучше синица в руках. Но больше всего старика радовало то, что ее семья действительно отказалась от подарков – как и говорила Фэнъин.

Все это было похоже на сон. Разве могло оно происходить с ним, стариком Сунем?

Но оно происходило – в этом не могло быть никаких сомнений. Девочка сама предложила сыграть свадьбу на Новый год.

Вспомнив про свадьбу, старик Сунь спустился наконец с небес на землю. Он сразу подумал, что придется проставиться, но где взять денег? У кого занять? Пусть девочка отказалась от подарков – он же не может не подарить ей хоть пару платьев. На постель, на обновки и прочую мелочь для молодых тоже уйдет юаней тридцать – пятьдесят. И потом, он не может женить сына втихаря – все-таки своя кровинушка. Вон, младшему брату в самые трудные годы устроил все по высшему разряду, подумаешь, – подвязал пояс потуже. А теперь ради родного сына можно и исподнее продать. Иначе, как пить дать, засмеют. Без музыкантов придется обойтись, но все равно нужна водка, нужна закуска, нужны гости, нужна большая гулянка. Нет денег? Бери в долг!

Как ни крути, придется занять юаней двести. Но у кого взять такую сумму?

Сунь много ночей не смыкали глаз. Их бросало из огня да в полымя. Все разговоры вертелись вокруг денег и того, как всех уважить. В итоге решили, что идея отметить свадьбу на Новый год была чертовски хороша – так выйдет отгулять два повода разом.

Сперва они обсчитали, сколько уйдет наличных и сколько понадобится зерна. И того и другого придется собирать по деревенским. Дома ели в основном гаолян и просо – а такое на праздничный стол не поставишь. Конечно, за свиной на рынок никто не поедет – просто прирежем своего хряка, не станем продавать мясо в этом году.

Про зерно ничего не решили – сперва занялись деньгами. Покумекав, старшие Сунь высчитали, у кого из соседей могла оказаться такая заначка. У секретаря Тянь просить было неудобно. У бухгалтера их бригады Тянь Хайминя наверняка были деньги, но его жена и отец, старик Ванью, никогда не давали в долг – тут нечего было и стараться. У Цзинь Цзюнью могли найтись в загашниках лишние юани, но он был в семье единственным кормильцем – брать у него было неловко.

Старики прикидывали и так и этак и в конце концов сошлись на том, что единственным вариантом оставался Цзинь Цзюньхай. Вариант был непростой. Конечно, стоило им только намекнуть – и тот бы не отказал. Но они и так были у него в долгу: когда старший Сунь женился, они несколько лет задарма жили в доме у соседей. Потом семейство переехало в свой нынешний дом, но места на всех не хватало – Шаопин и Ланьсян по-прежнему ночевали у соседей. И вообще Цзинь Сю и Цзинь Бо вечно подкармливали младших Суней, а их мать заботилась о них, как о своих детях. Это она обшивала их на своей машинке. У семьи Сунь никак не получалось отплатить Цзиньям за все это добро – они делились с ними зерном, картошкой, помогали с тяжелой работой, но все равно чувствовали себя в долгу. Теперь язык не поворачивался снова просить об одолжении – тем более, что никто не мог сказать, когда получится вернуть одолженное.

Но, увы, другого пути не было. Сунь Юйхоу решил, что наутро пойдет к Цзюньхаю за деньгами. Единственное, чего он боялся, так это того, что Цзюньхая не окажется на месте, а жена не осмелится одолжить такую большую сумму...

И вот Юйхоу сидел на стуле в доме Цзюньхая, покуривал трубочку, позевывал и ждал, когда вернутся хозяева. Он долго думал, как аккуратно подведет разговор к нужному делу, а

потом решил, что это лишнее, лучше сразу сказать прямо. Как ни крути – все равно кончится деньгами.

Старик Сунь сидел, охваченный тяжелыми мыслями. Пятнадцать лет назад он уже проходил это все – когда собирал на свадьбу брату. Ох, грехи наши, неужто так и будем жить без облегчения, без просвета?

Через несколько мгновений у порога зашумели хозяева, забежали с вещами из подъехавшей машины. Свалив их в комнате, Цзини присоединились к Юйхоу. Цзюньхай быстро протянул ему сигарету.

– Да нет, я уж трубочку, – ответил старик, – от сигарет один кашель.

– Моя-то мне сейчас сказала, что твой Шаоань нашел себе в Шаньси невесту. – Старший Цзинь скинул рабочую одежду, бросил ее на край кана, закатал рукава и пошел мыть руки.

Юйхоу резво откликнулся:

– Да, невестки моей родня. Хорошая девочка.

– Когда свадьба? – Цзюньхай вытер руки полотенцем, сел рядом и подал ему чашку чаю, которую принесла жена. – Попей, дорогой.

– Нет, спасибо... Свояки вот предложили сыграть на Новый год.

– Тогда можно по-простому сделать. Мы по дороге говорили о свадьбе – наверняка у вас сейчас не особо с деньгами. Может, одолжить надо? Если да, то ты только скажи – мы одолжим!

Юйхоу был тронут участливым вниманием семьи Цзинь.

– Да я ж потому и пришел... Не думал, что ты так скоро вернешься. Не успел и рта раскрыть, как ты сам предложил... Я и так у вас в долгу – язык не повернется снова донимать тебя, брат...

– Ой, я тебя умоляю, – вставила его жена. – Вы и так нам каждый год столько делаете. Цзюньхай все крутит свою баранку – не будь вас, я бы так и сидела без вязанки хвороста...

– Не стесняйся, брат. Сколько денег нужно? Трехсот юаней хватит? – спросил Цзюньхай.

– Так много не надо, – ответил Юйхоу. – Двумя сотнями обойдемся...

Цзюньхай тут же сказал жене:

– Поди дай нашему Юйхоу две сотни.

Женщина вышла в другую комнату.

– Да сейчас не надо, до Нового года еще время есть... – вспыхнул старик.

– Возьми-возьми, – ответил Цзюньхай. – Одежду, постельное белье – все нужно купить заранее. А что насчет зерна? Тут я тебе не помощник, мы ведь с пайка живем, все в бригаде столуются. Трудней за нами нет. Ну, бывает, продашь что-то из пайка в городе – тем и живы...

– Знаю, брат, не беспокойся. Что-нибудь придумаем.

Жена Цзюньхая вынесла деньги и потянула их соседу:

– Пересчитай.

– Да чего уж, – он убрал деньги, свернутые трубочкой, в карман.

С легким сердцем он вернулся домой. Жена уже хлопотала на кухне. Сюлянь сидела на кане и расчесывала бабушке волосы. В обычное время старушка лежала с полуприкрытыми глазами или пересчитывала таблетки, которые ей купил Шаопин. Она высыпала их из пузырька и перебирала снова и снова, пока не уверялась, что все на месте, – прежде чем снова сыпать обезболивающее в бутылку. Ей было жалко тратить его на себя. Но в последние дни бабушка позабыла о своем любимом занятии. Не смыкая воспаленных глаз, она со счастливой улыбкой наблюдала за своей невесткой. Сюлянь порой заботливо сидела рядышком, массировала ей спину или собирала тонкие пряди седых волос в крохотный пучок на макушке. Бабушка время от времени ласково гладила ее тонкой рукой.

Шаопин ушел в поле, Ланьсян – в школу. Дома оставались только три женщины.

– А где Шаоань? – спросил старик Сунь у жены.

– На табачных посадках, под горой, – откликнулась она, раскатывая тесто.

Шаоань боялся, что Сюлянь станет стесняться или чувствовать себя одиноко, а потому не выходил в поле несколько дней.

Теперь он собирал лист с пожелтевших у корня табачных кустов, готовя его к просушке. Потом лист можно будет размолоть и продать в Каменухе, выручив немного денег.

Юйхоу вышел на табачное поле и, не в силах сдержаться, тут же рассказал сыну, что ему удалось добыть наличных.

Шаоань выслушал отца и раздраженно бросил:

– Зачем ты одолжил такую пропасть? Как потом возвращать? Сотней обойдемся. Пойди верни им половину!

– Двести юаней – это вообще не о чем, – сказал отец. – Мы с матерью уже все посчитали. Ты нас тоже пойми: ты у нас старшенький, первый раз сына женим – хочется сделать по сердцу – себя закладать да в грязь лицом не ударить. Иначе я себе не прощу. Ты не знаешь: вчера ведь вечером глаз не сомкнули из-за этого. С тринадцати лет, как вернулся помогать нам, тянуть лямку, вывозить на себе это несчастное хозяйство, – так и болит о тебе сердце. Свадьба – дело немаленькое. Если сейчас не сделаю как следует, то и в могиле не успокоюсь...

Юйхоу опустил на корточки и замотал пегой головой. Слова отца заставили Шаоаня прослезиться. Кто любит нас во всем мире сильнее родителей? Он не мог больше беситься из-за того, что старики взяли в долг.

Отец попросил, чтобы Шаоань отвез Сюлянь в уездный центр заказать обновки, и тот сразу подумал о Жунье. Сердце екнуло. Он подумал с болью, что Жунье до сих пор ни о чем не знает. Что будет, если она узнает? Возненавидит его...

– Это слишком далеко, лучше съездим в Рисовское. Там и ткань ничуть не хуже, – сказал Шаоань.

– Ну ладно, – отозвался Юйхоу.

Пробежало семь или восемь дней, но Сюлянь и не думала уезжать. Шаоань украдкой шепнул ей:

– Как вернешься, скажи своим, что прошло дней пять – ты назад и поехала. Не стоит задерживаться, а то отец и сестра будут волноваться.

Сюлянь, смущенно теребя пальцы, залилась краской:

– Я... просто не могу оставить тебя...

– Поезжай, перед Новым годом я за тобой приеду, – ласково сказал Шаоань.

– Разреши мне остаться еще на пару дней... – умоляла она.

После праздника Середины осени²⁵ заботливый Шаоань повез невесту в поселок.

Позавтракав, он одолжил у Цзюньу велосипед и усадил на него Сюлянь. В магазине перед витриной Шаоань бросил:

– Что понравится – то и возьмем!

Но Сюлянь ответила:

– Сперва тебя надо обшить. У меня-то дома есть ненадеванная одежда, мне можно и попроще что-то заказать. На самом деле мне вообще ничего не нужно, но я боюсь, что если ничего не взять, твои старики переживать станут... – Она повернула голову и, указывая на Шаоаня, сказала продавщице: – Как вы думаете, какой цвет ему больше подойдет? Из тех, что подороже.

Продавщица с одного взгляда поняла, что они приехали за обновками на свадьбу – почти каждый день заходили такие парочки. Она очень удивилась, заслышав их разговор. Обычно в такой ситуации девушки в самый последний момент смешивали все карты и начинали упра-

---

²⁵ Праздник Середины осени, или Чжунцюцзе, – один из самых поэтичных праздников, широко отмечаемый в Китае и Вьетнаме. Приходится на пятнадцатый день (полнолуние) восьмого месяца по китайскому календарю, что примерно соответствует второй половине сентября. По традиции это вечер любования полной луной.

шивать жениха накинуть еще пару – тройку вещей или отрезов ткани к заранее условленному количеству. Иначе они угрожали вообще отказаться от всей затеи. Парни часто были вынуждены сломя голову бежать на улицу, чтобы одолжить у кого-нибудь денег. Те, кому не удавалось набрать нужную сумму, иногда опускались на корточки прямо у магазина и начинали плакать... Но эта девушка согласна была всего на один наряд, не просила дорогой ткани и вообще готова была сначала обшить своего мужчину. Такого днем с огнем не сыскать. Только на сцене показывали таких «прогрессивных» девиц.

Тронутая до глубины души, продавщица сказала Сюлянь:

– Вот новый лавсан, качество замечательное – и ему очень пойдет. А если на вас шить, – она достала другой материал, – то вот очень модный вариант, и стоит недорого...

Не дожидаясь, пока Шаоань откроет рот, Сюлянь ответила восторженной продавщице:

– Вот так и сделаем!

Когда продавщица вытащила ткань, Шаоань стал убеждать Сюлянь заказать себе еще что-нибудь, но та заупрямилась. Они стали спорить и перетягивать друг у друга рулон. Продавщица и покупатель у прилавка во все глаза смотрели на такое невиданное зрелище.

Шаоань заметил, что на них все смотрят, и вместе с неуступчивой Сюлянь, краснея, вышел из магазина.

На улице Сюлянь ласково сказал ему:

– Если двое хотят быть вместе, при чем здесь одежда? Я знаю, что у вас в семье плохо с деньгами и вы наверняка взяли в долг. Разве это так необходимо? Ведь после свадьбы нужно будет все вернуть...

У Шаоаня защипало глаза. Если бы рядом никого не было, он бы обнял и поцеловал Сюлянь.

Но даже после поездки в магазин Сюлянь не торопилась возвращаться в Шаньси. Шаоаню не хотелось, чтобы она уезжала, и он не стал торопить ее. Спустя десять дней после того, как пошли холодные росы²⁶, старик Хэ прислал из Шаньси письмо. Он беспокоился, отчего Сюлянь не возвращается: уж не заболела ли? Только тогда она решила вернуться домой. Шаоань опять одолжил велосипед Цзюнью и отвез Сюлянь в Каменуху. Там работал секретарем в коммуне его прежний одноклассник Лю Гэньминь. Шаоань попросил его помочь отыскать транспорт до Шаньси. Вместе с толстяком-поваром из столовой они усадили Сюлянь на автобус...

Отослав Сюлянь, Шаоань остался печально стоять на дороге, сжимая велосипедный руль. Он увидел, как стая диких гусей с пронзительными криками сорвавшись с утеса, понеслась на юг. Приближалась зима. Шаоань внезапно вспомнил, как весной он держал записку Жунье и стоял здесь же, наблюдая за дикими гусями, летящими с юга. И вот они вновь уносились в теплые края.

---

²⁶ Сезон *ханьлу* наступает 8–9 октября.

Глава 16

Дней за десять до Нового года вся семья начала хлопотать, готовясь к свадьбе.

Заранее решили, что Шаоань съездит в Шаньси, но Сюлянь вдруг прислала письмо: мол, забирать ее не нужно – Шаоань человек занятой, зачем ему тратить время на поездку. Она собиралась приехать в Двуречье с отцом – как раз успеют до Нового года.

Ну что за девочка! Юйхоу был тронут ее заботой о Шаоане. Он посоветовался с женой, и они решили, что пора начинать готовиться.

Самой большой проблемой было поселить после свадьбы Шаоаня и Сюлянь.

У семьи была только одна комната, где они и ютились все вместе. Закуток Шаоаня вообще был, считай, кладовкой. Разве можно было запереть в нем молодых?

Нужно было опять проситься к кому-нибудь под бок. Значит ему, Юйхоу, как и пятнадцать лет назад, предстояло жаться по чужим углам.

Большинство деревенских не могли похвастаться большими домами. Может, у кого и были свободные комнаты, но старик Сунь был им совершенно чужой, и у него не хватало духу просить их о чем-то. Даже если они согласятся, будешь все время чувствовать себя не в своей тарелке.

Большого всего пустых комнат было в семье Цзинь Гуанляна, бывшего землевладельца. Правда, как пошла «культурная революция», Сунь Юйтин притащил домой цзаофаней – они искали серебро и документы на землю. Весь дом перевернули вверх дном и разнесли в клочья. Проситься к Цзиню теперь было неловко.

Пока Юйхоу мучился беспомощностью, Шаоань уже разрешил смущавшую его проблему.

Началось с того, что он рассказал обо всем замбригадиру Фугао. Шаоань не надеялся, что тот поможет, но Фугао вдруг сказал, чтобы он не волновался, мол, я знаю, что делать.

Он вызвал главный костяк первой бригады посоветоваться – сказал, что бригадиру негде жить с молодой женой: может, пустим их перекантоваться год – другой в пещеру за стойлами, где мы держим семена? Семена можно временно сложить у скотника Тянь Ваньцзяна.

Услышав это, все согласились:

– Да пускай живет, что такого. Можно хоть лет пять жить.

Старик Ваньцзян даже пошутил:

– Хоть будет у меня компания. А то волк сожрет – никто и не узнает.

Фугао ухмыльнулся:

– Волк, он скотину любит, – о твои сухие кости боится все зубы переломать!

Все захохотали. После сходки Тянь рассказал об общем решении Шаоаню.

Когда Шаоань пересказал его отцу, морщины на лбу старика разгладились. Он сразу сказал сыну:

– Раз так, надо скорее почистить пещеру – пока Сюлянь не приехала. Купи бумаги обклеить окна. И голову обрей...

Несколько дней спустя с уступов за домом семьи Сунь донесся пронзительный визг. Главный деревенский мастер резать свиней Цзинь Цзюньвэнь закатал рукава. Сжимая в зубах острый нож, он готовился забить толстого хряка, которого держали за ноги Юйхоу и Шаопин. Свинью распластали на каменной платформе. Ланьсян принесла таз, чтобы собрать кровь.

В это время Ланьхуа катала во дворе кружки просяного теста для жареных пирожков. Она заранее приехала помочь с готовкой. Племянники носились, как сумасшедшие, по двору, подтирая сопли, но никто не обращал на них внимания. Мать вместе с соседкой обшивали молодых. Юйтин с женой тоже должны были прийти на подмогу, но Фэнъин уехала в Дачжай. Оставшийся один с тремя детьми, Юйтин сбивался с ног, хлопоча по хозяйству и занимаясь

парработой. И потом, если бы он пришел, – от него все равно не было никакого толку. Сунь был мастак только поест да покурить.

Тянь Фугао собрал нескольких человек из бригады и вместе с Шаоанем они заново оштукатурили пещеру. В ней было сыро, и Шаоань несколько дней подряд жег внутри дрова.

Теперь Шаоань оклеивал окна, а Цзинь Бо подавал ему с кана клейстер и бумагу. Его сестра Цзинь Сю уже принесла из дома газет и оклеила стены вокруг кана. Вместе с братом они притащили номер «Народного иллюстрированного журнала»²⁷ и пустили его на картинки, заклеив пестрыми изображениями каждый уголок. Шаоань был им как родной. Вся семья Цзинь готовилась к его свадьбе.

К полудню Шаоань покончил с окнами, а Цзинь Сю украсила все стены. Дом был как новенький.

Шаоань потянул Цзинь Бо с сестрой к себе обедать. По старому обычаю, в день забоя следовало угостить бойца как следует – готовили пшеничную кашу со свиной требухой. Но Цзинь повели себя как сообразительные взрослые ребята. Они не пошли с Шаоанем и убежали домой.

Шаоань разжег огонь в печи, прикрыл дверь и побрел домой.

После обеда, прихватив пару десятков юаней, он пошел в Каменуху купить сигарет и водки для гостей. Дел было невпроворот. Шаоань шел, перекинув через плечо нитяную торбу и лениво потягивая самокрутку.

Холодные горы казались тихими и совершенно необитаемыми. Их уступы и канавы обнажились, не скрытые больше от глаз. Желтая земля смерзлась, как камень. На дальнем склоне порой проглядывали участки высохших гаоляновых стеблей. Ветер трепал их и пригибал к камням. Это были поля кадровиков, оторванных от всякого хозяйства. Деревья на холмах и у воды уже сбросили листву и стояли, уныло подрагивая под ледяными порывами. Семена их покоились глубоко под землей, забывшись долгим зимним сном. Над ними кружились воробьи, выискивая отбившиеся зерна. Их карканье, наполненное скорбью и унынием, несло над долиной...

Речка была скована льдом, а поверхность льда покрыта слоем серой пыли. На склонах по обе стороны реки повсюду чернели подпалины, оставленные деревенскими хулиганами, – темные на желтом. Погода стояла ясная, но отнюдь не теплая. Солнце словно бы отдалялось от земли и не в силах было согреть ее вновь.

Шаоань медленно шел по шоссе, накинув на плечи лямки торбы. Он склонял голову как можно ниже, стараясь спрятаться от пронизывающего ветра, отчего его высокое тело выгибалось дугой. Ветер с резким свистом выныривал из канав, время от времени покрывая его с ног до головы придорожной пылью. Желтые листья и сухую траву несло в сторону поселка...

Наконец Шаоань добрался до отдела снабжения и сбыта, купил дюжину бутылок самой дешевой водки, пять блоков сигарет и немного аниса с сычуаньским перцем для мяса.

Разложив покупки, Шаоань подумал, что надо бы зайти в коммуны, помахать рукой своему однокласснику Гэньминю и пригласить его на свадьбу. Гэньминь, Шаоань и Жунь вместе учились в Каменухе. Потом приятель закончил среднюю школу в уездном центре и стал работать в аппарате – секретарем коммуны. Они очень дружили в школе. Хотя Гэньминь стал теперь большим человеком, он никогда не заносился, и они общались по-прежнему.

Потом Шаоань подумал, что они с Сюлянь все равно придут в коммуны за свидетельством о браке, которое будет проходить через руки секретаря – тогда и пригласить будет самое оно.

Шаоань оставил идею о том, чтобы тащиться в коммуны с тяжелой торбой, и решил идти домой. Проходя по холодной улице мимо парикмахерской, он остановился. «Отчего бы мне не зайти постричься?» – подумал он.

---

²⁷ «Жэньминь хуабao» – цветной журнал, выходящий с 1950 года и не прекращавший публикации даже в годы «культурной революции». Его русскоязычная версия издается с 2005 года под названием «Китай».

Шаоань долго колебался. Он отродясь не тратил денег на стрижку. Когда волосы отрасли, его корнал их бригадный бухгалтер Тянь Хайминь. У Хайминя был полный набор парикмахерских ножниц, но он, как правило, стриг только домашних. Однако стоило Шаоаню заикнуться о стрижке – и тот никогда не отказывал, а порой и сам предлагал свои услуги. Мастер из Хайминя, правда, был ни к черту – он часто выстригал клоками и уступами. Теперь, накануне свадьбы, не мешало бы постричься поприличнее. Но и стоило это удовольствие минимум двадцать пять фэней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.